

Минобрнауки России
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Том 2 № 1 (5) 2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
З. В. Брагина, доктор технических наук, профессор, МУБиНТ (Ярославль, РФ)
Л. А. Карасева, доктор экономических наук, профессор, ТвГУ (Тверь, РФ)
И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Григорьева, доктор социологических наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Г. А. Ключарев, доктор философских наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, РФ)
А. И. Василевский, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Г. Антонова, доктор педагогических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Члены редколлегии:

И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ф. Н. Завьялов, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ответственный секретарь:

А. А. Кострова, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ЯрГУ, ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150000, Россия

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Тел.: +7-980-650-81-40 (Кострова Алла Анатольевна)

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
P. G. Demidov Yaroslavl State University

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

Volume 2 № 1 (5) 2016

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL COUNCIL

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University, (Russia)
Zinaida V. Bragina – Yaroslavl International Business and New Technologies Academy (Russia)
Ludmila A. Karaseva – Tver State University (Russia)
Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Irina A. Grigorieva – St. Petersburg State University (Russia)
Gregory A. Klyucharev – Institute of Sociology RAS (Russia)
Albert I. Vasilevskiy – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Lyubov G. Antonova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Russia)
Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Editor-In-Chief:

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

The editorial board:

Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Fedor N. Zavyalov – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Editorial Board Secretary:

Alla A. Kostrova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL OFFICE CONTACTS

Mailing Address: Sovetskaya str. 14, Yaroslavl, Russia, 150000

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7-980-650-81-40 (Alla Anatolyevna Kostrova)

16+

© P. G. Demidov Yaroslavl State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Кострова А. А., Завьялов Ф. Н.

Генезис развития субъектного подхода к комплексному анализу конкурентоспособности предприятий в рыночной экономике..... 5

Фраймович Д. Ю.

Оценка роли различных инвестиционных процессов в инновационном развитии российских регионов 13

Кулебякин А. А.

Институты экономики знаний: проблема соответствия институциональной системы и потребностей развития..... 20

СОЦИОЛОГИЯ

Албегова И. Ф.

Поставщики социальных услуг как субъекты современной социальной работы в России..... 27

Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г.

Проблема генерирования внутривластных потерь лидера представителями разных социальных групп: в поисках теоретических оснований 32

Гаджигасанова Н. С.

Этническая и гражданская самоидентификации: взаимосвязь с системой ценностных ориентаций 41

ФИЛОЛОГИЯ

Карпов Д. Л.

«Всё нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением 48

Харлушина А. А.

Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века..... 53

Цофина Ю. А.

Лексикографирование эмотивного значения (на примере междометий)..... 60

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 62344 от 03.07.2015 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат А4. Объем 64 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ №16026. Дата выхода в свет 31.03.2016. Издатель и его адрес: ЯрГУ; 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

CONTENTS

ECONOMICS

Kostrova A. A., Zavyalov F. N.

The Genesis of the development of the subjective approach to comprehensive analysis of the competitiveness of enterprises in the market economy 5

Fraymovich D. Yu.

Assessment of a role of various investment processes in innovative development of the Russian regions 13

Kulebyakin A. A.

Knowledge-Based Economy Institutes: the Institutional System and Development Needs Conformity 20

SOCIOLOGY

Albegova I. F.

Providers of social services as objects of modern social work in Russia..... 27

Kiselev I. Ju., Smirnova A. G., Hrabrova K. G.

The issue of generating the leader's home policy losses by the representatives of different social groups: in search for theoretical foundations 32

Gadzhiganova N.S.

Ethnic and civil self-identification: interconnection with the system of value orientations 41

PHILOLOGY

Karpov D. L.

«We will normally solve everything»: words with potential corruption value..... 48

Kharlushina A. A.

Dynamics of "light plot" in the Russian literature of the XVIII century 53

Tsofina Y. A.

Lexicographic description of emotive meaning (as exemplified in interjections)..... 60

ЭКОНОМИКА

УДК 338.001.36

Генезис развития субъектного подхода к комплексному анализу конкурентоспособности предприятий в рыночной экономике

А. А. Кострова, Ф. Н. Завьялов

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: a.kostrowa@yandex.ru, fedzav@yandex.ru

Научная статья

Определяется сущность базовой экономической категории – «конкуренция», проводится анализ основных противоречий, которые заложены в отношении между различными субъектами экономики, дается определение конкурентоспособности как одной из основных форм проявления сущности конкуренции, анализируется генезис развития категории конкурентоспособность, рассматриваются предпосылки и процесс формирования экономической категории «субъектная конкурентоспособность», дифференцированной по шести субъектам, в зависимости от тех преимуществ, которые являются для них приоритетными, в рамках использования субъектного подхода рассматриваются формы проявления сущности конкурентоспособности, определяются требования к методике количественной оценки уровня субъектной конкурентоспособности.

Ключевые слова: конкуренция; конкурентоспособность; сущность; форма; противоречие; субъектный подход; методика анализа.

The Genesis of the development of the subjective approach to comprehensive analysis of the competitiveness of enterprises in the market economy

A. A. Kostrova, F. N. Zavyalov

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Determined the basic essence of economic categories «competition», analyzes the basic contradictions that are inherent in the relationships between the various actors of the economy, given the definition of competitiveness as one of the main forms of manifestation of the essence of competition, analyzes the Genesis of the development of the category of competitiveness, discusses the background and process of formation of the economic category «competitiveness of the subjective», differentiated in six subjects, depending on the benefits that are a priority for them, using the subjective approach examines the manifestations of the essence of competitiveness, identifies the requirements for the methodology to quantify the level of subjective competitiveness.

Keywords: competition; competitiveness; essence; form; contradiction; the subjective approach; the method of analysis.

За 25 лет развития экономики России в рыночных условиях она испытала и продолжает испытывать все преимущества и недостатки данного общественного уклада. За этот период произошло два значительных кризиса: 1998 и 2008 гг. и несколько более мелких спадов: 1995, 2004, 2015. В сложившихся условиях обеспечение устойчивого развития экономики было и остается высоко актуальной задачей. Положительной чертой рыночного развития является получение значительной свободы предприятиями и организациями выбора путей развития, ассортимента выпускаемой продукции и услуг, поставщиков сырья и материалов, комплектующих изделий, потребителей продукции. Свободным стало ценообразование на товары и услуги, выбор банка для финансового обслуживания и путей привлечения инвестиций.

© Кострова А. А., 2016

© Завьялов Ф. Н., 2016

Однако свобода выбора значительно усилила требования ко всем структурным подразделениям предприятий и организаций, она поставила их в условия неопределенности, когда стало необходимым обосновывать выбор поставщиков и потребителей, уметь проводить анализ их деятельности и давать прогноз тенденций по крайней мере на ближайшую перспективу. Многие предприятия и организации оказались и продолжают функционировать в высоко конкурентной среде, которая во многом связана с состоянием экономики, что накладывает особую ответственность на менеджмент в принятии оптимальных решений.

Сложности рыночного развития России возникали и по причине недостаточно грамотной и обоснованной государственной политики. Под флагом борьбы с монополизмом были разорены многие крупные предприятия, снизилось финансирование военно-промышленного комплекса, который был стержнем развития ряда отраслей, были закрыты убыточные предприятия с целью получения кредитов от Мирового банка и МБФ. Форсированное снятие монополии внешней торговли без принятия мер повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей привели в упадок целые отрасли: сельское хозяйство, текстильную, швейную, обувную промышленности, производство телевизоров, холодильников и другой сложной бытовой техники. К 1995 г. ВВП страны составил лишь 52% от уровня 1990 г., то есть снизился почти в два раза.

Особенно значительные темпы роста экономики России отмечены в 2000–2007 гг., когда по многим ключевым параметрам ее состояние приблизилось к уровню 1990 г. Итогом развития экономики РФ за 1991–2007 гг. стала ее интеграция в мировое и, главным образом, европейское пространство. Россия стала удобным местом размещения филиалов и дочерних предприятий автомобилестроения, химической промышленности, оптовой и розничной торговли и многих других отраслей, так как превратилась в благоприятный рынок сбыта продукции с достаточной покупательной способностью населения и квалифицированной рабочей силой. Сама она была сориентирована на продажу сырья и энергопродуктов на внешний рынок. Такая скошенность экспорта и большая зависимость от него позволила ряду европейских и американских стран вести неконструктивную экономическую политику. Независимая внешняя политика РФ спровоцировала введение санкций в 2013 г. и их усиление в 2014 г. С одной стороны, это замедлило рост экономики нашей страны, вызвав кризисные явления, с другой стороны, силовое давление способствовало переориентации потоков ряда производств на внутренний рынок, дало толчок развитию сельского хозяйства, рыболовства, ряду отраслей легкой промышленности.

В настоящее время правительство России ставит задачу достижения большей самостоятельности сфер производства, финансов и информационного обслуживания. В этом смысле необходимо скорректировать парадигму отношений в цепочке «производитель – потребитель». От отношений, основанных на конкурентоспособности, необходимо переходить к содружеству, когда отношения строятся на базе партнерства, где четко учитываются нужды и потребности друг друга.

Формирование нового подхода к анализу конкурентоспособности предприятия в рыночной экономике начнем с рассмотрения сущности ее базовой категории – конкуренции. Благодаря М. Портеру – классику данного направления в экономике, она стала основой анализа рыночной среды. При всем разнообразии подходов до сих пор эта категория недостаточно раскрыта с позиций экономической теории как основы всех других конкретных экономических дисциплин. На наш взгляд, конкуренция является общенаучной категорией, а не только экономической, как она наиболее часто трактуется.

Конкуренция – (сталкивание), соперничество, соревнование людей, групп, организаций в достижении сходных целей, лучших результатов в определенной общественной сфере. Конкуренция – существенная черта различных видов деятельности, в которых происходит столкновение интересов (политика, экономика, наука, спорт и др.). Конкуренция получает широкое распространение после ликвидации наследственных, сословных привилегий и вековых регламентаций, утверждения принципов демократии и рыночной экономики, где вырабатываются нормы и правила конкуренции [1, с. 337] .

Конкуренция в одном из своих выражений существовала и в административно-централизованной, командной системе управления государством, хотя имела ограничение только теми целями, которые были наиболее выгодны руководству и служили процветанию действующего режима. Здесь конкуренция выступала как соревнование и имела большое значение для развития экономики страны, ее успехов на внешней и внутренней арене. Лишь при переходе к рыночным отношениям, когда возникла экономическая свобода предприятий и организаций в выборе путей развития, потребителей и поставщиков, цен на продукцию и услуги, конкуренция охватила все сферы их деятельности, она стала главным инструментом повышения эффективности производства, который менеджмент предприятия мог использовать для его развития.

В нашей работе мы будем рассматривать конкуренцию как рыночную категорию, как общее фундаментальное понятие, выражающее существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания, образовавшиеся в результате обобщения их развития. Именно поэтому определение категории должно содержать свойства и отношения предметов и явлений действительности, включать в себя диалектические противоречия, которые способствуют ее развитию. Исходя из этих постулатов, предлагаем следующее определение. **Под конкуренцией мы будем понимать экономические отношения между отдельными субъектами, имеющими связанные цели развития по созданию и использованию преимуществ для получения высоких итоговых результатов.** В качестве них могут выступать материальные, финансовые, моральные выгоды, социальное, научное, военное лидерство.

Экономические отношения в условиях конкуренции основаны на противоречиях в целях и интересах каждого из субъектов. На поверхности лежит противоречие между производителем и потребителем, продавцом и покупателем, каждый из которых стремится получить большую выгоду. Данные противоречия рождают внешнюю форму проявления конкуренции, выражающуюся в экономической категории **конкурентоспособности.**

Актуализации вопросов исследования конкурентоспособности способствовало усиление конкурентной борьбы между предприятиями в связи с либерализацией российской экономики, ее все большей открытостью для иностранных компаний. Поэтому повышение уровня конкурентоспособности предприятий является важнейшим фактором обеспечения устойчивого развития экономики страны и регионов в целом [2].

Проблема обеспечения конкурентоспособности отечественных предприятий не зависит от сферы их деятельности, формы собственности и размеров. Для выживания в конкурентной борьбе и достижения доминирующих позиций лидера в стратегически важных отраслях необходимо активно наращивать устойчивые и уникальные конкурентные преимущества, на предприятиях должно формироваться ответственное и более глубокое осмысление самой категории конкурентоспособности во всем многообразии определяющих ее факторов.

Под конкурентоспособностью исходно мы будем понимать **обладание и возможности использования на рынке преимуществ для получения больших благ.** Между собой они связаны как парные категории диалектики: сущность и форма. Конкуренция, как явление по своей сущности, остается неизменной, а форма, в которой она проявляется на поверхности, может быть самой разнообразной и меняться под воздействием различных факторов. В динамике конкурентоспособность находится под воздействием состояния внешней среды и меняется от низкого уровня до самого высокого. При наличии одного основного преимущества она может быть однопорядковой, например, высокое качество продукции при относительно низкой цене, устойчивое финансовое состояние и т. д. При обладании несколькими преимуществами она становится многопорядковой, хотя соотношения между этими преимуществами могут значительно варьироваться: высокая конкурентоспособность по одному преимуществу, средняя по другому и низкая по третьему. Особенно это касается сложных объектов: предприятий, территорий, государств, обладающих множеством признаков и осуществляющих разнообразные виды деятельности. И если на уровне продукции такие

аспекты, как сущность, влияющие факторы, методика анализа уже разработаны достаточно глубоко, то на уровне предприятия, территориальных образований эта конкретика теряется, возникает много сложностей и спорных моментов.

В нашем исследовании предлагается разработанная и опробованная концепция субъектного подхода к комплексному анализу конкурентоспособности предприятий, функционирующих в рыночной экономике. Сущность подхода продиктована современными условиями функционирования предприятий и основана на двух постулатах:

1) в экономике, основанной на рыночных отношениях, главенствует спрос, который определяет, что производить, какого качества и в каком количестве. Производители продукции и услуг должны выпускать только то, с таким качеством и в таком количестве, которое будет приобретено на рынке потребителем;

2) рыночная экономика всегда имеет черты неопределенности и вариативности. Если производитель не может по каким-либо причинам удовлетворить потребности, потребитель будет искать другого партнера внутри страны или во внешней среде.

Таким образом, во главу угла ставится **субъектный** подход, при котором деятельность предприятия, его производственные и финансовые итоги анализируются с точки зрения требований субъектов, которые с ним сотрудничают или хотят установить отношения. Конкурентоспособность рассматривается как **относительная** величина. Предприятие в каждый момент осуществления своей хозяйственной деятельности выступает одновременно как производитель продукции или услуг, потребитель сырья и материалов, кредитозаемщик, генератор социальных благ, инвестополучатель, владелец ценных бумаг и т. д. В этом смысле оно может быть носителем различных и даже противоположных видов конкурентоспособности. Актуальность исследования состоит в том, что на основе систематизации накопленного исследовательского опыта по изучению конкурентоспособности предприятий разработан принципиально новый подход, при котором авторы постарались преодолеть имеющиеся недостатки и попытались сформировать на его основе методику анализа конкурентоспособности, которая позволяла бы предприятиям адекватно оценивать как уровень собственных видов конкурентоспособности, так и конкурентоспособности своих партнеров для принятия эффективных управленческих решений.

В теории и практике определения и анализа конкурентоспособности необходимо опираться на новые концептуальные подходы к ее управлению на уровне микро- и макроэкономических систем. Эти подходы должны быть основаны на разработке сводного, универсального показателя конкурентоспособности. Сущность, состав, содержание и методика оценки должны быть разработаны и построены таким образом, чтобы каждый заинтересованный в оценке уровня конкурентоспособности конкретного предприятия субъект мог получить необходимую информацию, а также сравнить ее для выявления наиболее приемлемого уровня конкурентоспособности. При этом показатель конкурентоспособности должен оставаться *комплексным*, то есть агрегироваться из ряда конкурентных преимуществ предприятия, которые выявляются путем сопоставления с соответствующими показателями организаций-конкурентов. Но для каждого субъекта приоритетным будет являться лишь некоторый определенный аспект деятельности предприятия.

Целесообразно отметить, что обеспечение конкурентоспособности и обеспечение лучшего уровня определенной характеристики с методологической точки зрения не тождественны [3]. Данные проблемы имеют самостоятельное практическое и теоретическое значение. И лишь в определенных условиях конкурентоспособность предприятия может рассматриваться как наличие у него преимуществ в достижении лучшего уровня определенной характеристики.

Рассмотрим интересы основных участников хозяйственного процесса при оценке конкурентоспособности предприятия.

1. Покупатели продукции и услуг оценивают конкурентоспособность предприятия с позиции конкурентоспособности приобретаемого ими товара. Их интересует, насколько он является подходящим для них с точки зрения качества, цены,

послепродажного обслуживания, соблюдения дисциплины поставок по времени, партионности, качеству, номенклатуре, ассортименту и т. д. по сравнению с товарами других предприятий отрасли. В условиях жесткой конкуренции среди предприятий-поставщиков выигрывают те, которые оперативно могут адаптироваться к возрастающему разнообразию спроса на продукцию, поэтому с точки зрения потребителя в состав факторов при оценке конкурентоспособности необходимо включить способность предприятий к обновлению ассортимента. Кроме того, в конкурентной борьбе предпочтение будет отдаваться предприятиям, которые являются информационно открытыми, то есть предоставляют максимальное количество полезной для покупателя информации в доступном виде.

2. Поставщики в рамках отношений с покупателями заинтересованы прежде всего в том, способны ли последние своевременно и полностью рассчитаться по имеющимся и возникающим задолженностям за поставленный товар, выполненные работы, оказанные услуги. Часто такое преимущество, выражающееся в уровне платежеспособности партнера, является решающим. Для поставщика немаловажен имидж партнера, субъективным количественным выражением которого является место, занимаемое оцениваемым предприятием в соответствующих рейтингах. Более очевидным способом определения имиджа предприятия является расчет доли просроченной задолженности в общей величине задолженности данного предприятия. Немаловажным фактором выступает и стабильность поставок, т. е. заключение договора на длительный период, что позволяет поставщику планировать свое производство на перспективу.

3. Банки и другие кредиторы прежде всего заинтересованы в уровне кредитоспособности предприятия-заемщика, то есть способности рассчитаться по предоставленному кредиту и процентам за его использование. Поскольку привлечение кредита способствует увеличению задолженности предприятия-заемщика, кредитора интересует в целом уровень его финансовой независимости. При определении условий предоставления кредита банку необходимо определиться с уровнем риска, который он готов принять на себя. Для этого целесообразно оценить способность предприятия генерировать достаточный уровень прибыли посредством прямых показателей эффективности финансово-хозяйственной деятельности. Кредиторы рассматривают в том числе и характер использования выданных денежных средств, который зависит от цели привлекаемого кредита. Набор факторов и показателей для оценки надежности клиента должен различаться в зависимости от того, на долгосрочные или текущие цели выдается кредит. В первом случае для количественной оценки могут использоваться показатели эффективности инвестиционной деятельности, во втором – показатели эффективности текущего производства (скорости производственно-коммерческого цикла).

4. Инвесторы оценивают целесообразность вложения средств в деятельность компании и вероятность получения доходов. При этом инвестиционная привлекательность обеспечивается прежде всего характеристиками финансового состояния предприятия, то есть финансовой устойчивостью, платежеспособностью, рентабельностью основной деятельности, эффективностью использования собственного капитала, низким риском вероятности банкротства. Кроме того, инвесторы оценивают эффективность инвестиционной деятельности. В данном случае рассматривается уровень отдачи от использования материальных (основных фондов) и финансовых (перманентного капитала) ресурсов. Инвесторов интересует в целом уровень финансовой независимости предприятия, его способность наращивать темпы устойчивого роста собственного капитала, обеспечивать вклады учредителей за счет превышения величины чистых активов над уставным капиталом. Есть некоторая особенность инвестирования предприятий зарубежными инвесторами. На первое место в оценках они ставят не финансовые показатели, а производственные, полагая, что финансовые показатели, являясь расчетными, могут быть искусственно завышены. Понимая это, зарубежные инвесторы большее внимание при инвестировании обращают на производственные показатели, и главный из них – «портфель заказов», т. е. наличие заявок на выпускаемую продукцию, их объем, временной период обеспечения заказами.

Немаловажное значение имеют еще такие показатели: динамика обновления оборудования, доля современного оборудования, уровень квалификации персонала, внедрение новейших технологий и т. д. На наш взгляд, такая позиция является наиболее объективной, так как именно эти показатели состояния производства являются гарантией освоения инвестиций и получения дохода от них.

5. Работники фирмы, как непосредственно занятые на ней, так и желающие работать. Их в первую очередь интересует уровень оплаты труда, который можно оценить путем сопоставления с величиной прожиточного минимума. Немаловажное значение для работников имеет и уровень социального обеспечения на предприятии, который можно оценить по доле денежных средств, направляемых на социальное развитие персонала. Финансовая сторона при выборе места работы играет одну из важнейших ролей, но не ограничивает требования работников. Их в большей степени интересует качество организации труда с точки зрения возможности саморазвития, повышения квалификации. Индикатором данного интереса может выступать соответствующий состав работников с высоким уровнем квалификации, умений, навыков и стремлением к дальнейшему развитию. Качественный состав работников можно оценить посредством расчета доли работников с высшим образованием в общей величине. Учитывая психологический фактор, необходимо отметить, что специалист стремится к обеспечению защищенности себя с точки зрения сохранения и заработной платы, и места работы, особенно в кризисные периоды. Поведение руководства в подобных случаях можно оценить посредством сопоставления численности работников и размера ФОТ фактически в анализируемом периоде к предыдущему уровню. Для работника немаловажным фактором является стабильность предприятия на рынке, которая характеризует его имидж и оценивается посредством расчета финансовых показателей деятельности организации. Следует отметить некоторые особенности для различных категорий работников. Для рабочих сквозных профессий: слесарей, наладчиков оборудования, электронщиков, электриков, шоферов и др. – материальная сторона, социальная защищенность стоит на первом месте. Для служащих: бухгалтеров, экономистов, секретарей, трудовиков и т. д. – кроме материального и социального интереса важным является психологический климат в коллективе, отношение руководства. Для специалистов высшего и среднего звена, кроме перечисленных преимуществ, важны такие факторы, как карьерный рост, возможность повышения квалификации, творческий труд и ряд других преимуществ.

6. Конкуренты предприятия оценивают наличие преимуществ по достаточно широкому спектру видов деятельности. Их интересует способность предприятия к увеличению своей доли на рынке, они оценивают это посредством расчета среднегодового темпа роста объема продаж за ряд периодов. Поскольку одним из направлений борьбы между конкурентами является стремление к экономии на затратах, то немаловажным моментом является оценка себестоимости основных видов конкурирующей продукции, затрат предприятия на развитие: обновление основных фондов, внедрение новых видов продукции и услуг, технологий производства, новых методов организации управления. Эффективность деятельности и способность к дальнейшему развитию во многом зависит от производительности труда промышленно-производственного персонала. Важными и доступными для расчета являются характеристики финансового состояния предприятия, среди которых конкурентам целесообразно оценивать платежеспособность, финансовую устойчивость и вероятность банкротства. В современных условиях в конкурентной борьбе выигрывает то предприятие, которое встает на путь инновационного развития. Интенсивность движения в этом направлении можно оценить путем расчета доли затрат на НИОКР. Сложившаяся экономическая ситуация, помимо прочего, характеризуется высоким риском возникновения кризисных ситуаций, поэтому конкурентам необходимо оценивать используемые методы и инструменты минимизации последствий кризисных ситуаций путем определения изменения себестоимости, цен и объемов производства и продаж.

Таким образом, конкурентоспособность может в определенных условиях оказаться тождественной таким экономическим категориям, как качество продукции,

платежеспособность, эффективность деятельности, прибыльность, устойчивость, инвестиционная привлекательность, уровень социального обеспечения в различных комбинациях. При этом сущность категории конкурентоспособности должна оставаться единой и универсальной независимо от формы ее проявления в интересах различных субъектов.

Итак, определение *субъектной конкурентоспособности* можно сформулировать следующим образом: *конкурентоспособность предприятия* – это экономическая категория, характеризующая уровень наличия у предприятия преимуществ, то есть определенных свойств, способных лучше удовлетворять требования субъектов по определенному приоритетному аспекту производственной и финансово-хозяйственной деятельности [4].

В данном случае тождественность конкурентоспособности предприятия отдельным экономическим категориям или их комбинациям не нарушает единства сущности, а является лишь различными формами ее проявления, которые основываются на различии в интересах оценивающих конкурентоспособность предприятия субъектов и рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1

Формы проявления сущности конкурентоспособности фирмы и направления ее анализа в зависимости от субъекта оценки

Заинтересованные субъекты	Интерес субъекта оценки	Форма проявления конкурентоспособности	Направления анализа
Покупатели	Желание приобретать продукцию лучшего качества по приемлемой цене с соблюдением условий договора	Конкурентоспособность предприятия как конкурентоспособность производимой им продукции	Анализ конкурентоспособности продукции, степени выполнения условий договора и способности предприятий к инновационному развитию
Поставщики	Способность предприятия рассчитаться по обязательствам	Конкурентоспособность предприятия как его платежеспособность и устойчивость в перспективе	Анализ платежеспособности организации с точки зрения ее обеспеченности и устойчивости в дальнейшем
Кредиторы	Способность предприятия рассчитаться по кредитным обязательствам		
Инвесторы	Целесообразность вложения средств в развитие предприятия	Конкурентоспособность предприятия как его инвестиционная привлекательность	Анализ финансовой устойчивости, рентабельности, рациональности финансирования деятельности
Работники	Уровень социального обеспечения, качественный состав работников, защищенность персонала в кризисные периоды, имидж предприятия	Конкурентоспособность предприятия как способность привлечь и эффективно использовать трудовые ресурсы	Анализ затрат предприятия на оплату труда и социальное обеспечение, анализ финансового состояния организации
Конкуренты	Уровень развития конкурентов в сопоставлении с достигнутым уровнем для корректировки маркетинговой и конкурентной стратегии	Конкурентоспособность как способность к устойчивому развитию и завоеванию большей доли рынка	Анализ затратности деятельности, финансовой устойчивости и платежеспособности, способности выходить из кризисных ситуаций и развивать инновации

Принципы субъектного подхода к комплексной оценке конкурентоспособности предприятия:

1) конкурентоспособность является универсальной категорией, что отражается в определении сущности конкурентоспособности предприятия;

2) формы проявления сущности конкурентоспособности предприятия предполагают рассмотрение интересов субъектов ее оценки;

3) в основе конкурентоспособности предприятия лежит корректно организованная сопоставимость;

4) основными характеристиками конкурентоспособности предприятия являются многовариантность, универсальность, многоаспектность, конкретность, относительность, критериальный характер;

5) сущность конкурентоспособности предприятия является основой решения практических задач: на основе рассмотрения различных форм проявления сущности в зависимости от интереса субъекта оценки разрабатывается методика анализа конкурентоспособности предприятия в виде алгоритма оценки для каждого заинтересованного субъекта;

6) в результате применения методики анализа конкурентоспособности определяется предприятие-победитель для каждого оценивающего субъекта.

В процессе исследования конкурентоспособности предприятия большое внимание в авторских публикациях уделяется вопросам методики ее анализа, многие из которых содержат ряд недостатков: недоступность информационной базы для проведения анализа; наличие теоретических показателей, которые не могут быть формализованы и объективно измерены, что снижает точность оценок; многообразие рассчитываемых при анализе показателей с целью максимального охвата всех сфер деятельности предприятия, а отсюда возникновение дублирования и противоречий; отсутствие показателей, характеризующих уровень инновационного развития. Разработанные методики не учитывают интересы каждого конкретного оценивающего субъекта, хотя одно и то же предприятие может иметь разный уровень конкурентоспособности с позиции того или иного к нему требования.

Методика анализа субъектной конкурентоспособности должна учитывать интересы определенных субъектов, содержать минимум количественно неизмеримых факторов, основываться преимущественно на официальной финансовой и статистической отчетности, быть пригодной для применения даже в отсутствие внутренней труднодоступной информации, а также содержать порядок расчета существенных характеристик и индивидуального интегрального показателя конкурентоспособности предприятия для каждого оценивающего субъекта. При этом показатель уровня конкурентоспособности предприятия, получаемый в результате реализации определенной методики оценки, должен характеризовать возможность и способность предприятия лучше удовлетворять требования субъектов по определенному приоритетному аспекту финансово-хозяйственной деятельности.

Ссылки / Reference

- [1] Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норит, 2000. 1456 с.
- [2] Барабанов А. С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография / Под науч. рук. д. э. н. Т. В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 160 с.
- [3] Информационное обеспечение управления конкурентоспособностью / Под ред. проф. С. Г. Светунькова // Энциклопедия маркетинга : сайт. 1999. URL: <http://www.marketing.spb.ru/read/m19/1.htm>.
- [4] Кострова А. А. Анализ конкурентоспособности предприятия с использованием субъектного подхода // Аудитор. 2010. №12. С. 20-28.

УДК 330.313

Оценка роли различных
инвестиционных процессов в
инновационном развитии
российских регионов

Д. Ю. Фраймович

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых*

E-mail: fdu78@rambler.ru

Научная статья

В статье произведено ранжирование регионов по степени влияния инвестиций на инновационные процессы. Выявлены территории, в которых не результативно иницируются процессы организации высокотехнологичных производств. Обоснованы условия привлечения отечественных и иностранных инвестиций в региональные инновационные проекты. Предложенные оценочные механизмы могут служить эффективным инструментом управления для федеральных и региональных органов власти при разработке, реализации и контроле инновационно-инвестиционных программ в условиях осуществления курса модернизации страны.

Ключевые слова: инвестиции; корреляционно-регрессионный анализ; эффективность; инновации; основные фонды; инвестиционный климат.

Assessment of a role of various
investment processes in innovative
development of the Russian
regions

D. Yu. Fraymovich

*Vladimir State University named after Alexander
and Nikolay Stoletovs*

Scientific article

In article ranging of regions on extent of influence of investments on innovative processes is made. Territories in which processes of the organization of hi-tech productions aren't productively initiated are revealed. Conditions of attraction of domestic and foreign investments into regional innovative projects are proved. The offered estimated mechanisms can serve as the effective instrument of management for federal and regional authorities during the developing, a realization and control of innovative and investment programs in the conditions of implementation of a course of modernization of the country.

Keywords: investments; correlation and regression analysis; efficiency; innovations; fixed assets; investment climate.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ 2014 г. на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Инновационные процессы в Российской Федерации, ускорение динамики воспроизводства в различных сферах экономики, модернизация общественных институтов, научно-образовательной и предпринимательской инфраструктур немислимы без реализации значимых инвестиционных проектов. Но на пути осуществления этапов финансирования зачастую возникают препятствия как правового, так и организационно-мониторингового характера, которые не позволяют в должной мере использовать реально имеющийся инновационный потенциал социально-экономических систем.

Объективную значимость инвестиций для передовой инновационной экономики формулирует В. В. Ивантер. Согласно его определению, инвестиции формируют «пространство» экономического роста и расширяют спрос на инновации. Благодаря переоснащению и увеличению производственных мощностей реализуется структурно-технологическая модернизация. Инвестиции, создавая конечный и промежуточный спрос

на продукцию отраслей, определяют материальные условия эффективного экономического развития [1, с. 4].

В определенном смысле дополняет представленные выше утверждения точка зрения Г. Идрисова. По его словам, инвестиции в физический и человеческий капитал крайне чувствительны к качеству институциональной среды, которая определяет объем ресурсов, направляемых экономическими агентами на цели развития, и итоговые результаты, то есть эффективность вложений [2, с. 10].

Необходимо признать, что даже в специальных исследованиях не приводится однозначных интерпретаций в отношении инвестиционных процессов последнего десятилетия в России. Противоречивые оценки, наличие диаметрально противоположных мнений об их характере создают объективные трудности анализа и прогнозирования, не преодолимые в рамках традиционных подходов [3, с. 37].

Можно констатировать, что проходящая в научных кругах полемика по поводу эффективности использования тех или иных источников инвестирования, их влияния на экономический рост и процессы обновления в стране имеет нескончаемый контекст. Поэтому мониторинг капиталовложений должен проводиться в каждом отдельном случае в пространственном и временном срезе, разграничиваться по инвестируемым сферам и детализироваться по степени влияния на те или иные результаты модернизации социально-экономических систем.

В рамках данного исследования представляется целесообразной оценка влияния отдельных инвестиционных процессов на инновационное развитие территорий на примере Центрального федерального округа (далее – ЦФО) и России в целом. При этом наиболее объективный расклад позиций может обеспечить корреляционно-регрессионный анализ. В качестве результирующей величины (Y), комплексно характеризующей масштабы обновления, выбран объем инновационных товаров, работ, услуг (млн руб.) на основе данных официальной статистической отчетности, публикуемых в ежегодных изданиях Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» [4]. Факторами (независимыми переменными), определяющими изменения результата для целей проводимого анализа, послужили: а) общий объем инвестиций в основной капитал (X); б) инвестиции в основной капитал организаций с участием иностранного капитала (Z).

Естественно, решая конкретные аналитические задачи, можно расширить перечень независимых переменных, приняв во внимание прочую информацию по капиталовложениям в отечественные сектора экономики. Но в данном случае предполагается внести определенный вклад в решение проблемы и непрекращающиеся дискуссии в отношении оценки эффективности российских и зарубежных инвестиций, их влияния на процессы модернизации. Ряд современных отечественных ученых сходится во мнении о «вреде» иностранных инвестиций для экономики страны. Другие исследователи, наоборот, заявляют о необходимости привлечения зарубежных средств и передовых технологий для обеспечения ускоренного инновационного прорыва. Весьма «демократичным» и обоснованным на этот счет представляется мнение О. Г. Голиченко. По его словам, только за счет собственных новаций нельзя решить задачи перевооружения предприятий в стране. Благоприятные условия для иностранных инвестиций могут создать благодатную почву для абсорбции передовых знаний и технологий [5, с. 22].

Еще раз подчеркивая многогранность исследуемого вопроса, следует отметить, что наиболее насущной проблемой в отечественной системе хозяйствования выступает высокая изношенность основных фондов и темпы их обновления. В этой связи весьма уместно привести результаты расчетов, полученные сотрудниками Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН на период до 2030 г. По их оценкам, при средних темпах прироста инвестиций в основной капитал в высокотехнологичном секторе на уровне более 15 % можно достичь двукратного снижения энергоемкости ВВП, трехкратного увеличения выработки, роста экспорта высокотехнологичной продукции до уровня в 21% [6]. Как раз поэтому при проведении анализа и определении факторов,

обусловливающих результат, выбор был сделан именно в пользу вложений в основной капитал в региональном разрезе.

Исходные данные по инвестиционным показателям получены из Российских статистических ежегодников [4]. Для учета временного интервала, в течение которого осваиваются инвестиции и трансформируются в готовый инновационный продукт, выбран период в один год. Поэтому результирующие величины (Y) целесообразно сопоставлять с годовым опережением факторных признаков (X) и (Z) в разрезе конкретного региона. Т. е. для определения степени тесноты связи между показателями использован массив данных по инвестициям за 2000–2013 гг., а по объему инновационных товаров принята информация за 2001–2014 гг. Использование указанной цепной реакции позволяет более корректно подходить к выполнению анализа эффективности инвестиций и формулировать обоснованные рекомендации по повышению отдачи от финансирования конкретных объектов на определенных территориях. Ранжирование регионов по степени инновационной восприимчивости к инвестициям производилось посредством определения коэффициента парной корреляции (R) между обозначенными выше факторами в соответствии с классическими представлениями о качественных характеристиках связи [7, с. 188]. Проведенное исследование позволило идентифицировать в составе ЦФО регионы с высоким ($R \geq 0,7$), умеренным ($0,5 \leq R < 0,7$), слабым ($0,3 \leq R < 0,5$) и неудовлетворительным ($R < 0,3$) уровнями чувствительности инноваций к конкретным группам инвестиций (таблица 1). При этом все связи с отрицательным значением R , независимо от величины корреляции по модулю, логично будет отнести к последнему рангу регионов с наихудшей отдачей от вложений в основные фонды.

Таблица 1

**Ранжирование территорий по инновационной восприимчивости
к инвестициям в основной капитал**

Степень восприимчивости инноваций к инвестициям в основной капитал	Территории (области) по инновационной восприимчивости к	
	общим инвестициям в основной капитал (X)	инвестициям в основной капитал организаций с участием иностранного капитала (Z)
Высокая ($R \geq 0,7$)	РФ в целом (094) ЦФО в целом (089) Белгородская (081) Владимирская (081) Воронежская (085) Калужская (083) Курская (080) Липецкая (091) Московская (088) Рязанская (094) Смоленская (070) Тамбовская (082) Тверская (079) Тульская (085) Ярославская (091) г. Москва (079)	РФ в целом (093) ЦФО в целом (081) Брянская (072) Владимирская (072) Воронежская (073) Калужская (087) Курская (081) Липецкая (077) Московская (074) Рязанская (088) Тамбовская (087) Тульская (094) Ярославская (089)
Умеренная ($0,5 \leq R < 0,7$)	Брянская (065) Костромская (069)	Тверская (065) г. Москва (054)
Слабая ($0,3 \leq R < 0,5$)	Ивановская (042)	Белгородская (047) Смоленская (049)
Неудовлетворительная ($R < 0,3$)	Орловская (-054)	Ивановская (002) Костромская (-013) Орловская (-047)

Необходимо подчеркнуть, что связь между анализируемыми группами факторов в общероссийском срезе, а также по ЦФО в целом за тот же период (с 2000 по 2014 гг.) отличается высокими положительными значениями коэффициента корреляции. Это еще раз доказывает, что базовый государственный тренд по размещению инвестиций в инновационные производства является достаточно результативным и поддерживается как самим ЦФО, так и большинством образующих его регионов.

Относительно высокая эффективность применения капитала, характерная для территорий указанной классификационной группы, в значительной степени может быть обусловлена отработанной системой контрольных мер со стороны региональных властных структур, а также размещением средств в высоколиквидные проекты, не требующие длительных сроков окупаемости.

Функции, определяющие влияние капиталовложений (X) и (Z) на инновационные процессы в разрезе территорий, представляется логичным выявить на основе парного регрессионного анализа, который позволяет построить уравнения регрессии следующего вида (1):

$$Y_x = B_Y X + B_0, \quad (1a)$$

$$Y_z = B_Y Z + B_0, \quad (1б)$$

где X – общий объем инвестиций в основной капитал;
 Z – инвестиции в основной капитал организаций с участием иностранного капитала;
 B_Y – коэффициент влияния инвестиций на результирующую величину Y ;
 B_0 – постоянная величина в уравнении регрессии.

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа, полученные с помощью программного продукта *Statistica 10.1*, для параметра Y в зависимости от инвестиций в основные фонды организаций с участием иностранного капитала (Z). Расчеты выполнены на примере Ярославской области – типичного субъекта ЦФО с развитой промышленной инфраструктурой. При этом статистически значимые связи между признаками выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2

Результаты парного линейного регрессионного анализа для параметра Y_z от инвестиций в основные фонды организаций с участием иностранного капитала по Ярославской области

Параметр	Фактор	Коэффициенты уравнения регрессии, B_Y	Стандартная ошибка коэффициента регрессии ΔB	Статистика Стьюдента, d (при числе степеней свободы $m = 12$)	Уровень значимости, p
Y_z	Постоянный член	-1392,93	2552,231	-0,54577	0,595226
	Z	1,37	0,201	6,823534	0,000018

Итоги регрессионного анализа для зависимой переменной Y дают основание включить в уравнение фактор Z с уровнем значимости статистики Фишера $p = 0,000018$, что существенно ниже критического значения в 0,05. Искомая функция получает следующий вид (2):

$$Y_z = 1,37 Z \quad (2)$$

Это означает, что каждый рубль инвестиций в основные фонды региона, вложенный предприятиями с участием иностранного капитала, приносит ежегодную отдачу в виде инновационной продукции в среднем в размере 1,37 рубля.

Более наглядно полученная регрессионная зависимость может быть представлена в виде диаграммы рассеяния (рисунок 1).

Из представленного графика видно, что практически все точки расположены вдоль прямой сплошной линии основного тренда и укладываются в область доверительного интервала в 5 % (пунктирные линии), что еще раз свидетельствует о достаточно результативном использовании конкретного вида инвестиционных ресурсов в Ярославском регионе.

Обращаясь к рассмотрению прочих регионов, необходимо отметить, что в отдельных субъектах ЦФО (Ивановской и Орловской областях, а также отчасти Костромской) явно не в полной мере инициируются процессы организации высокотехнологичных производств, что требует незамедлительного исправления данной ситуации в части контроля за использованием инвестиционных ресурсов. И данные вопросы подлежат незамедлительному решению не только на региональном, но и на федеральном уровнях власти.

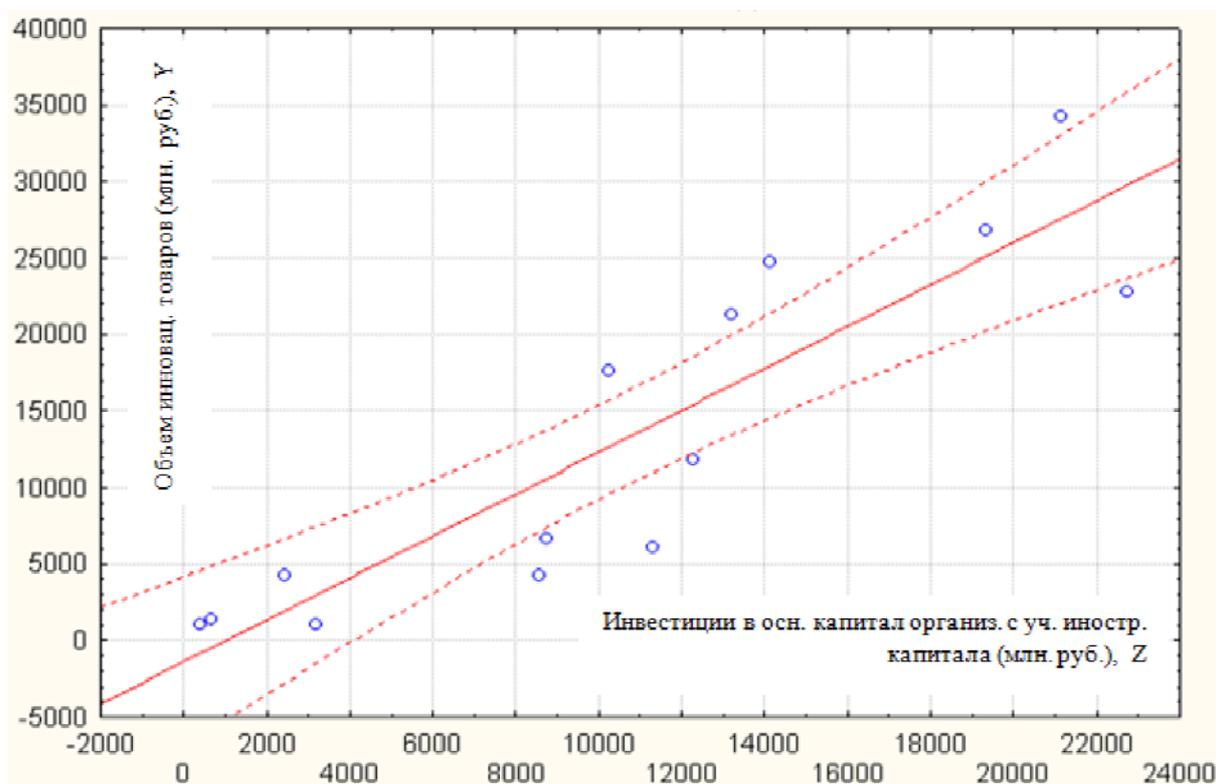

Рисунок 1. График линейной регрессионной зависимости объема инновационных товаров от величины инвестиций в основные фонды организаций с участием иностранного капитала для Ярославской области

Оценка мероприятий по размещению только зарубежных инвестиций в основные фонды со стороны компаний с участием иностранного капитала в целом по РФ за период с 2000 по 2014 гг. [4] дает повод констатировать их незначительное (слабое) влияние на изменение объема инновационной продукции. Полученный коэффициент корреляции $R = 0,35$ по тому же принципу сопоставления вложений и результатов с годовым отрывом почти в три раза ниже среднероссийских значений между Y и X ($R = 0,94$), а также Y и Z ($R = 0,93$) (таблица 1). Это подтверждает гипотезы о низком качестве именно частных зарубежных инвестиций в основной капитал, не предназначенный для выпуска принципиально инновационных товаров и не способствующий ускорению процессов модернизации в стране.

В то же время проведенный анализ в отношении тесноты связи между общим объемом иностранных инвестиций в экономику РФ и оборотом инновационных товаров в стране дает обнадеживающие результаты с коэффициентом корреляции $R = 0,92$. При этом влияние прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на результирующую величину менее существенно ($R = 0,61$). Это означает, что уменьшение их доли с 40,4 % в 2000 г. до 15,3 % в 2013 г. в общем объеме иностранных инвестиций незначительно влияет на процессы высокотехнологичных преобразований в стране, а поэтому роль таких вложений в формировании российской инновационной экономики на сегодняшний день не является решающей.

Согласно аргументированным выводам Я. Н. Дубенецкого, важным направлением решения проблем модернизации выступает привлечение иностранного капитала и технологий для выпуска принципиально необходимых средств производства (машин и оборудования). При известной сдержанности иностранных партнеров в этой сфере необходима активная работа в направлении создания для них системы стимулов, которая может изменить ситуацию [8, с. 20].

Достаточно взвешенную точку зрения в отношении качества иностранных инвестиций отстаивает Н. Резникова. На ее взгляд, зарубежные инвесторы должны способствовать востребованности продукции национального инновационного сектора, а не создавать для него уничтожающую конкуренцию [9, с. 154].

В то же время, по справедливому замечанию, например, Ю. Емельянова, даже относительно низкие производственные издержки в России могут «перекрываться» высокими затратами на преодоление коррупционных и административных барьеров, без оценки которых невозможно рассматривать уровень привлекательности страны для ПИИ [10, с. 11].

Близкие по смыслу выводы делает и Л. С. Бляхман. По его словам, приток реальных ПИИ ограничивает плохая транспортная инфраструктура, невысокое качество образования, коррупция, бюрократия, неравномерность развития регионов [11, с. 47].

Таким образом, осуществление инновационно-модернизационных процессов в РФ немыслимо без структурного обновления основных фондов обрабатывающих секторов экономики, агропромышленного комплекса и социально-значимых сфер: ЖКХ, образования, здравоохранения и пр. В то же время тенденция финансирования быстрокупаемых добывающих отраслей в ущерб вышеперечисленным принимает угрожающие размеры и серьезно повышает зависимость страны от конъюнктуры международных сырьевых рынков. На этом фоне происходит значительный отток и без того дефицитных финансовых средств из страны. Поэтому безальтернативным условием привлечения отечественных и иностранных вложений выступает формирование благоприятного инвестиционного климата, предполагающего предоставление налоговых преференций и упрощение процедур регистрации и функционирования для инициативных хозяйствующих субъектов. В свою очередь, повышение эффективности бюджетных единовременных расходов для обеспечения инвестиционной привлекательности территорий страны немыслимо без проведения текущего мониторинга и корректировки уровня отдачи от вложенных в инфраструктурные объекты средств. Комплекс процедур для измерения уровня производительности таких инвестиций можно реализовать в том числе и с помощью представленных в исследовании подходов, адаптированных к особенностям конкретных проектов на определенных территориях.

Ссылки / Reference

- [1] Ивантер В. В., Ксенофонов М. Ю. Концепция конструктивного прогноза роста российской экономики в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2012. №6. С. 4–13.
- [2] Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. №3. С. 4–20.

- [3] Буданов И. А. Вовлечение ресурсов сбережения в экономику и развитие воспроизводственных процессов в РФ // Проблемы прогнозирования. 2012. №5. С. 29–46.
- [4] Официальный Интернет-сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.01.2016).
- [5] Голиченко О. Г. Возможности и альтернативы инновационного развития России // Инновации. 2013. №5 (175). С. 20–24.
- [6] Новая экономическая политика: политика экономического роста : доклад / под ред. акад. В. В. Ивантера; РАН; Институт нар.-хоз. прогнозирования. М.: Ин-т нар.-хоз. прогнозирования РАН, 2013. URL: <http://viperson.ru/data/201305/klmjcblljujsltljtcjb.pdf> (дата обращения 25.01.2016).
- [7] Статистика / В. С. Мхитарян [и др.]; под ред. В. С. Мхитаряна. 9-е изд., перераб. М.: Академия, 2010. 272 с.
- [8] Дубенецкий Я. Н. Реиндустриализация: условия, цели, этапы // Проблемы прогнозирования. 2014. №4 (145). С. 17–25.
- [9] Резникова Н. Коллизии присутствия иностранных инвестиций в реальном секторе российской экономики // Вестник Института экономики РАН. 2013. №6. С. 153–164.
- [10] Емельянов Ю., Леонова Ю. Привлекательность России для зарубежных инвестиций // Проблемы теории и практики управления. 2014. №6. С. 8–16.
- [11] Бляхман Л. С. Новая индустриализация: сущность, политико-экономические основы, социально-экономические предпосылки и сопровождение // Проблемы современной экономики. 2013. №4. С. 44–53.

УДК 330.34

**Институты экономики знаний:
проблема соответствия
институциональной системы и
потребностей развития**

А. А. Кулебякин

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: a.kulebyakin@yahoo.com

Научная статья

В статье рассматривается формирование экономики знаний как фундаментальная тенденция современного мирового развития. Обосновывается необходимость создания институциональной среды, адекватной инновационному типу экономического роста. Предлагается трактовка институциональной системы общества, основанного на знаниях как совокупности политических, социальных и правовых институтов, образующих базис для производства, обмена и распределения нового знания. Вводится понятие двух типов несоответствий институциональной системы потребностям развития общества.

Ключевые слова: экономика знаний; институты; консервативные институты; эволюционные институты; институты интеллектуальной собственности

Современная экономика все более и более основывается на знаниях и, если трактовать шире, – на нематериальных активах, которые обеспечивают устойчивый инновационный рост. Формирование экономики знаний инновационного типа можно считать одной из фундаментальных тенденций развития на мировом уровне [1, с. 220–221]. В связи с этим важнейшей проблемой экономического развития многих стран, в том числе и России, становится создание институциональной среды, адекватной новому типу экономического роста.

Согласно подходу Всемирного Банка, основу экономики знаний составляют четыре элемента (рисунок 1): образование, инновационный потенциал, информационная инфраструктура, институциональная структура [2]. Экономический и институциональный режим обеспечивает стимулы для эффективного создания, распространения и использования существующих знаний. Сфера образования поставляет обученные и высококвалифицированные кадры, которые могут использовать знания эффективно. Информационная инфраструктура способствует эффективному распространению и использованию информации. Инновационная система обеспечивает взаимодействие со всемирными знаниями, адаптирует их и создает условия для создания или применения новых знаний на локальном уровне в целях достижения экономических и социальных интересов общества [3, с. 48].

**Knowledge-Based Economy
Institutes: the Institutional System
and Development Needs
Conformity**

A. A. Kulebyakin

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The paper deals with knowledge-based economy formation as global basic trend. The institutional environment framework for innovative growth is presented. Knowledge-based economy institutional system is determined as complex consisted of political, social and juridical institutes for knowledge generation, exchange and distribution. The two types of institutional system vs socio-economic development needs disparities are developed.

Keywords: knowledge-based economy; institutes; conservative institutes; evolutionary institutes; intellectual property institutes

Рисунок 1. Основные составляющие экономики знаний

Фундаментом для развития современной экономики знаний является функционирование сложных институциональных структур, определяющих тренд развития данной системы, ориентиры, на основе которых происходит отбор и формирование наиболее эффективных экономических и социальных институтов, а также определяется вектор и скорость институциональных изменений. Синергетический эффект, проистекающий из характера взаимодействия институтов общества, основанного на знаниях, определяет сложность ее институциональной системы.

В экономическую теорию понятие «институт» впервые было включено Т. Вебленом, который рассматривал институты как распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между личностью и обществом и отдельных выполняемых ими функций. Д. Норт теоретически сформулировал в рамках теории институциональной эволюции идею важности «правил игры» для анализа поведения экономических агентов, которая стала одной из самых плодотворных исследовательских парадигм конца 20 века. В основе его подхода лежит трактовка института как рамки, созданной людьми, в пределах которой они взаимодействуют друг с другом и определяют набор альтернатив, которые имеются у каждого человека. Д. Норт определяет институты как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми [4]. Г. Б. Клейнер рассматривает институты как эволюционирующие системы – во взаимосвязи с ее внешней средой и предысторией самой системы [5]. Институты общества, основанного на знаниях, взаимозависимы, взаимозаменяемы, взаимодополняют друг друга и находятся на разных уровнях развития. Это является причиной недопустимости прямого импорта институтов или копирования их системы по образцу. Поэтому для формирования эффективной институциональной системы в обществе, основанном на знаниях, целесообразным является «выращивание» институтов с учетом исторических, географических, этнических и других обстоятельств, которые определяют развитие национальной экономики. Только развитая, «сильная» институциональная система может являться тем механизмом, который поставляет в национальную экономику требуемые знания из всей мировой цивилизации. Страны, не имеющие таких систем, либо не получают знаний, либо получают искаженные знания, что влечет утерю как экономической, так и политической независимости и снижение уровня национальной безопасности [6, с. 27].

В 1990-е годы ряд специалистов, проводивших исследования в области экономики образования, изучили институциональные факторы, влияющие на социально-экономическое развитие общества. Сам Д. Норт выдвинул предположение, что развитие или стагнация общества определяются тем, насколько правильно общество выбирает стимулы для профессионального ориентирования своих граждан [7]. Спрос на определенные типы навыков и знаний со стороны общественных институтов, в свою очередь, ведет к появлению соответствующих организаций, которые будут извлекать выгоды из процесса обучения, удовлетворяя этот спрос. Д. Норт доказал, что спрос на определенные типы навыков и знаний и предложение со стороны образовательной среды не являются независимыми переменными, а неразрывно связаны с потребностями общества и его институтами. Институты могут быть, с одной стороны, стимуляторами активности, генерирующей условия экономического роста, и тогда спрос и предложение на высокую квалификацию и компетентность будут способствовать экономическому развитию. С другой стороны, институты могут быть «динамично неэффективными» при создании соответствующих стимулов, что приводит к несоответствию между спросом на квалификации и профессиональные компетенции и стимулами и направлениями долговременного роста. Примером являются многие развивающиеся страны, отмечает Г.В. Семеко, где значительная часть студентов получает высшее образование в области права и политических наук для того, чтобы получить работу в административном аппарате, в то время как долговременный рост требует подготовки все большего числа инженеров и агрономов [8, с. 39].

По мнению английского исследователя Д. Файнголда, само по себе увеличение численности квалифицированной рабочей силы (особенно, если национальная экономика не может обеспечить ее занятости), так же как и реформирование образовательных учреждений на основе требований частного сектора, не могут обеспечить долговременного роста [9]. Реформирование системы образования и организации подготовки профессиональных кадров должны осуществляться в неразрывной связи с потребностями развития экономики, в условиях единства образовательной и промышленной политик.

Переход к экономике, основанной на знаниях, требует обоснования и проведения системной институциональной политики, которая играет ключевую роль «для создания, распространения и использования знаний как актива в современной экономике, уже в существенной степени базирующейся на знаниях, необходима соответствующая система институтов» [10, с. 117]. При этом явно «необходимы механизмы, позволяющие постоянно развивать институты, стабилизирующие и регулирующие среду новой экономики» [11, с. 456]. Институты выступают комплексным эндогенным фактором развития экономики знаний. Современные представители институционального подхода все чаще отказываются от представления институтов вообще и институтов экономики знаний, в частности, как простых ограничителей индивидуального и коллективного выбора, от их упрощенной трактовки как норм и правил хозяйственной деятельности.

Институты экономики знаний представляют собой саморазвивающиеся функционально-структурные модели экономических отношений субъектов когнитивной деятельности, включающие, согласно результатам исследования Д.П. Фролова и Д.А. Шелестовой, следующие компоненты:

1) институции (виды и способы креативного умственного труда, в том числе профессии высокой квалификации, а также знаниеемкие отрасли и виды деятельности);

2) организации, реализующие функции генерации, коммерциализации и внедрения знаний (университеты, научные лаборатории, грантовые и венчурные фонды, инновационно активные фирмы, кластеры, бизнес-инкубаторы и акселераторы, технопарки и т. д.);

3) органы и механизмы государственного регулирования (включая правила, процедуры и стандарты);

4) механизмы саморегулирования и добровольные институциональные инициативы (неформальные нормы, ценности, лучшие практики бизнеса, отраслевые и корпоративные стандарты и др.) [12, с. 174].

Институциональное развитие (институционализация) экономики знаний рассматривается нами как системный процесс функционального, структурного и нормативно-правового оформления интеллектуализации (когнитивизации) хозяйственной жизни общества. Формирование институциональной модели хозяйствования, основанной на наукоемкости всех сфер деятельности и непрерывных инновациях – не пошаговый (step-by-step) процесс регулируемого создания структур и правил, в ходе которого результаты НИР будут автоматически коммерциализироваться и воплощаться в новых видах продукции; это сложный интерактивный процесс преобразования связей и отношений субъектов сфер производства, распространения и применения различных типов знаний. Институты призваны инициировать импульсы углубления специализации и роста кооперации в сферах генерации и диффузии знаний, закреплять устойчивые цепочки и сети взаимодействий между фирмами и отраслевыми ассоциациями, научными и образовательными организациями, инвестиционными структурами, региональными и местными администрациями, создавая неформальную среду инновационной активности и внедряя креативную культуру в массовое сознание. Институты выступают фактором инновации, приращения знаний, тогда как институты обеспечивают функцию их рутинизации, укоренения и массового применения в хозяйственной и социальной практике.

Превалирующая интерпретация институтов как норм, правил и структурных ограничений искажает реальный смысл институционализации экономики знаний, состоящий в развитии системы специализации и кооперации в сфере интеллектуальной деятельности, конструктивной мотивации ее агентов, минимизации транзакционных издержек и рисков инновационных процессов [13]. Очевидно, что институциональной основой экономики знаний должна стать национальная инновационная система, в рамках которой происходит передача и трансформация знаний при помощи соответствующих институтов (государства, научных и учебных заведений, производственных предприятий, структур бизнеса и частных лиц) [14, с. 21].

Таким образом, институты экономики знаний можно рассматривать как детерминирующие факторы экономического развития современного общества, а под институциональной системой общества, основанного на знаниях, следует понимать совокупность основополагающих политических, социальных и правовых институтов, которые образуют базис для производства, обмена и распределения нового знания.

Развитие экономики знаний происходит в процессе непрерывного совершенствования институциональных образований и их структурных элементов. Анализ институциональных особенностей экономики знаний неразрывно связан с выявлением факторов развития ее институциональной системы и оценкой результатов практических воздействий. Согласно теории одного из основоположников традиционного институционализма У. Митчелла [15], любая экономическая система носит динамический характер и находится под воздействием многих общественных институтов. Выделяют две группы институциональных факторов по направленности воздействия на экономику знаний. Первая группа представлена процессами, стимулирующими развитие экономики знаний. Технологические, воспроизводственные и инновационные процессы относят к стимулирующим процессам. Вторая группа напротив, ограничивает ее развитие. Данная группа факторов является менее исследованной, и ее сложно охарактеризовать однозначно, поскольку, с одной стороны, они сдерживают развитие экономики, с другой стороны, при определенных условиях обеспечивают ее стабильность.

Согласно институциональной теории, основу анализа социальных и экономических взаимодействий составляет ограниченная рациональность, характеризующая поведение агентов и среду их взаимодействия в условиях экономики, основанной на знаниях [16, с. 221]. К сожалению, практическое достижение полного соответствия институциональной системы общества потребностям развития его самого и его отдельных индивидов крайне затруднено. Несоответствия могут принимать форму запаздывания, в случае если существующие правила и традиции перестают соответствовать изменившимся условиям (*«отстают от жизни»*), и форму опережения,

когда принятые законы не соответствуют стадии развития данного общества (*«забегают вперед»*). Данные процессы несоответствия условно можно определить как «эффект запаздывания» и «эффект опережения» [17]. Необходимо отметить, что различные институты по-разному влияют на процессы несоответствия.

Так, консервативные институты экономики знаний (напр., система научных академий, университеты) способствуют увеличению эффективности взаимодействия в краткосрочном периоде для ограниченного числа участников, поэтому являются более устойчивыми. Однако с течением времени консервативные институты увеличивают трансакционные издержки как в абсолютном, так и в относительном исчислении в условиях стабильного развития экономики, что отрицательно влияет на экономическую эволюцию. Эволюционные институты (напр., венчурные компании, трансфертные фирмы, он-лайн исследовательские агентства), напротив, предоставляют возможность расширить круг игроков, предлагают дополнительную мотивацию к нововведениям, увеличивают сложность сделок и создают благоприятные условия для долгосрочного стабильного развития экономической системы. Ввиду того, что институты играют роль ограничителей поведения экономических субъектов, есть основания предположить, что они выполняют функцию аккумуляции и передачи информации. Таким образом, информационная природа институтов может быть рассмотрена совместно с феноменом знания.

Проявлением институционального несоответствия в форме *«отставания от жизни»* является современное состояние института интеллектуальной собственности в России, регулирующего процессы производства, обмена и распределения знаний. Формирование и постоянное развитие глобальной информационно-коммуникационной системы внесло радикальные изменения в условия для экономического обмена и взаимодействия, образования, науки, бизнеса, благодаря исключению пространственных и временных барьеров, что в результате привело к формированию единого информационного пространства. Данные тенденции определяют направление развития института интеллектуальной собственности в будущем, что, с одной стороны, открывает новые возможности, но, с другой стороны, предъявляет новые требования к их участникам.

Несоответствие зрелости и эффективности данного института экономики знаний в России потребностям обеспечения устойчивого роста очевидно. Неурегулированность вопросов защиты интеллектуальной собственности в России является барьером для полноценного включения нашей страны в мировой рынок научно-технологической продукции, где уже сложилась четкая специализация разных стран, отрицательно сказывается на развитии в нашей стране науки, изобретательства и вообще инновационной составляющей экономики. Следовательно, проблемы защиты интеллектуальной собственности приобретают для России едва ли не ключевое значение на пути интеграции в мировое сообщество, развития внутреннего рынка и становления новой «экономики знаний». Таким образом, в российском обществе недостаточно развиты институты социального доверия и институты интеллектуальной собственности, которые носят конструктивистский и договорной характер, преобладают персонифицированные нормы и правила поведения, что в конечном счете не может обеспечить на их основе устойчивый социальный порядок институциональной системы общества, основанного на знаниях.

Серьезным барьером для равноправного включения России в мировой рынок научно-технической продукции, где уже сложилась четкая специализация разных стран, является нерешенность проблем защиты интеллектуальной собственности, что негативно отражается на развитии в стране науки, изобретательства, а также инновационной составляющей экономики. Следовательно, для России ключевое значение на пути интеграции в мировое сообщество, развития внутреннего рынка и перехода к экономике знаний, приобретают проблемы защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, в России недостаточно развиты институты интеллектуальной собственности и социального доверия, которые носят конструктивистский и договорной характер, преобладают персонифицированные нормы

и правила поведения, что в результате не может обеспечить необходимый фундамент для устойчивого социального порядка институциональной системы общества, основанного на знаниях.

Другим проявлением институционального несоответствия, но уже в форме «забегания вперед», может служить феномен «утечки мозгов». В начале XXI века в связи с нарастающей миграцией высококвалифицированной рабочей силы исследователями глобальной экономики знаний стали активно разрабатываться проблемы, касающиеся экономических последствий "утечки мозгов", особенно из развивающихся стран. Некоторые исследователи сделали вывод о позитивной стороне данного процесса, выражающейся в том, что он создает стимулы для накопления человеческого капитала [12] (хотя в большинстве наименее развитых стран человеческий капитал высокого уровня вовсе не может найти применения [18]). В подобных условиях важным становится понимание того, возникновение каких специфических институтов сопровождает данный процесс; каковы институциональная платформа и доминанты в условиях сближения с глобализирующимся миром. Исследование взаимодействия абсолютно разных институтов в формате единой системной методологии способствует пониманию необходимости трансплантации и адаптации знания. Как указывает Т.В. Алексахина, в подобных условиях актуальным становится исследование появления и развития специфических институтов, сопровождающих процессы воспроизводства знаний, капитализации интеллектуального капитала и формирование институциональной платформы и доминанты [19].

Совершенно очевидно, что приведение институтов экономики знаний в соответствие с общественными потребностями неосуществимо без кардинальных преобразований институционального пространства, определяемых спектром выбранных целей экономических субъектов, поскольку поведение хозяйствующих субъектов регламентируется существующим в обществе набором институтов, в том числе институтов генерации, распространения и умножения знаний [20]. Говоря о современной динамике развития институтов, следует также учесть, что, будучи общепринятыми, они стабильны, но эта стабильность время от времени нарушается, сменяясь периодом распада одних институтов и появлением других. Однако появление нового института – событие действительно редкое. В этой связи нельзя не обратиться к работам В. М. Полтеровича – создателя концепции трансплантации экономических институтов, в которых рассматриваются факты, условия и возможности *приживаемости* или *неприживаемости* институтов в чужеродной экономической среде, поскольку, как считает ученый, «институты возникают путем трансплантации» [21].

Таким образом, развитие институтов экономики знаний, а также постепенное преодоление несоответствий институциональной системы общества потребностям развития российской экономики знаний предполагают: последовательную смену норм поведения, охватывающую все уровни и функциональные сферы экономики; формирование в сознании экономических агентов и их институциональных групп ментальных моделей и норм неиндустриального мышления [22]; формирование целостной системы институтов, обеспечивающей необходимую гибкость и динамичность процесса общественного воспроизводства экономики знаний, восприимчивость национальной экономики и отдельных ее субъектов к новому

Ссылки / Reference

- [1] Сапир Е. В., Сидорова Е. А. О перспективах формирования евразийской экономики знаний на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2015. Том 15, № 3. С. 212–224.
- [2] World Bank. Building Knowledge Economies: Advanced Strategies for Development. WBI Development Studies. Washington, DC: World Bank. 2007.

- [3] Роутти Й. Формирование экономики знаний (на примере Финляндии) // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 6. С. 47–54.
- [4] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997.
- [5] Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
- [6] Рябова Е. Ю. Институциональные императивы функционирования экономики знаний // Пространство экономики. 2009. № 2–3. С.27–31.
- [7] North D. Institutions, institutional change and economic performance. N.-Y.: Cambridge University Press, 1990.
- [8] Семeko Г. В. Роль образования в экономике: эволюция теоретических подходов // Экономика образования. 2011. № 1. С.32–44.
- [9] Finegold D. Creating self-sustaining high-skill ecosystems // Oxford review of economic policy. 1999. Vol. 15, № 1.
- [10] Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Микроэкономика знаний. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2007. 204 с.
- [11] Макаров В. Л. Экономика знаний. Уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73, № 5. С. 450–458.
- [12] Фролов Д. П., Шелестова Д. А. Экономика знаний: концептуализация теории, институционализация практики // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С.169–181.
- [13] Иншаков О., Фролов Д. Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 63–77.
- [14] Доничев О., Грачев С. Экономика знаний: новый тип воспроизводства // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 11.– С.20–27.
- [15] Митчелл У. К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. М.– Л., 1930.
- [16] Сыроваткина Т. Н. Факторы институционального развития экономики, основанной на знаниях // Вестник ОГУ. 2014. № 4 (165). С.221–225.
- [17] Натхов Т. Классификация институтов и социальный контракт.
URL: <http://www.hse.ru/data/785/069/1236/Text.pdf>
- [18] Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain drain and economic growth: Theory and evidence // Journal of development economics. 2001. Vol. 64, № 1.
- [19] Рибокене Е. В., Алексашина Т. В. Поведенческие установки субъектов рынка интеллектуального капитала в условиях институциональной неоднородности // TRANSPORTBUSINESSINRUSSIA. 2013. № 6. С.74.
- [20] Рибокене Е. В. Институциональная среда постиндустриального информационного общества // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 2 (8). С. 138.
- [21] Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
- [22] Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 94.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.35.023.6

Поставщики социальных услуг как субъекты современной социальной работы в России

И. Ф. Албегова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: alba50@yandex.ru

Научная статья

Изучаются процессы изменения социальной структуры российского общества. Выявляются причины появления новой социальной группы и субъекта социальной работы – поставщиков социальных услуг. Актуализируется проблема предоставления социальных услуг населению общественными организациями.

Ключевые слова: социальная структура; закон; поставщик социальных услуг; общественная организация; реестр; социологические исследования.

Providers of social services as objects of modern social work in Russia

I. F. Albegova

P. G. Demidov Yaroslavl state University

Scientific article

We study the processes of change of social structure of Russian society. Identifies the causes of the emergence of new social groups and the subject of social work – social service providers. Actualizes the problem of providing social services by public organizations.

Keywords: social structure; the law; the provider of social services; public organization; the registry of sociological research.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках социально-значимого проекта ООЯО «Социум» «Правовая поддержка получателей социальных услуг». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 г. № 79 – рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://www.civildignity.ru/ru>)

Социальная структура современного российского общества в настоящее время характеризуется существенными изменениями, отражающими мировые закономерности и национальные особенности развития, региональную специфику состояния и неопределенность перспектив. Основами этих трансформаций являются состояния экономической, политической, социальной, духовной, национальной, религиозной и других сфер общества, которые приводят к возникновению ряда специфических черт в развитии социальной структуры. Социальная структура современного российского общества отличается процессами все углубляющейся дифференциации, появлением новых и внутренним изменением традиционных групп [1]. Так, значительно уменьшается воспроизводство одних профессиональных групп (слоев, страт), появляются другие, новые (ранее немногочисленные или вовсе отсутствовавшие), меняется история их возникновения, формирования и приобретения ролей и статусов. Новым в социальной структуре современной России стало, наряду с другими, появление достаточно многочисленных и специфических групп – поставщиков и получателей социальных услуг. Юридическим основанием для этого явления послужило принятие и вступление в силу с 1 января 2015 года Федерального закона Российской Федерации

№ 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г.¹

В связи с этим целью данной статьи является изучение критериев выделения данных социальных групп, их определение и введение в научный оборот соответствующих дефиниций, раскрытие их сущности, обозначение проблем и перспектив развития по мере совершенствования социальной практики и российского законодательства.

В Федеральном законе Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» говорится, что «поставщик социальных услуг – юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание». В соответствии с данной правовой нормой поставщиками социальных услуг в современной России являются государственные стационарные, полустационарные и нестационарные учреждения социального обслуживания населения. В их число, в соответствии с законом, могут входить индивидуальные предприниматели и общественные негосударственные некоммерческие организации. Еще в 2008 году правительство РФ взяло курс на разгосударствление сектора оказания социальных услуг. Например, в концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года уже было обозначено повышение роли общественных организаций в предоставлении услуг в социальной сфере².

В 2010–2014 годах были изданы нормативные акты, меняющие статус общественных организаций в сфере оказания социальных услуг населению и облегчающие условия их выхода на рынок социальных услуг.

В настоящее время в каждом регионе России сформированы и обнародованы реестры поставщиков социальных услуг. Они, как правило, включают типовые государственные учреждения социального обслуживания, имеющие хорошие материальные базы, кадровый потенциал, информационную поддержку, значительный опыт предоставления социальных услуг населению. Например, в Ярославской области в реестр включены 58 государственных стационарных и нестационарных учреждений, среди которых 9 домов-интернатов для престарелых и инвалидов, 7 психоневрологических интернатов, один детский дом-интернат, 14 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, 26 комплексных центров социального обслуживания населения и один дом ночного пребывания для лиц без определенного места жительства³. Данный реестр находится в динамичном состоянии: по тем или иным причинам юридические лица могут быть включены или исключены из него. Например, в связи с ликвидацией в 2015 году из него выбыл Переславский психоневрологический интернат⁴. Как правило, представители местного населения в основном удовлетворены качеством услуг, предоставляемых государственными учреждениями социального обслуживания. Так, в 2014 году автором было проведено анкетирование 49 пожилых людей, клиентов МУ КЦСОН Фрунзенского района г. Ярославля, в возрасте старше семидесяти лет. Основной причиной обращения к специалистам центра являются их неспособность самостоятельно выполнять ряд

¹ Федеральный закон Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

² Распоряжение Правительства РФ № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

³ Реестр поставщиков социальных услуг Ярославской области // Портал органов государственной власти Ярославской области : сайт. URL: <http://www.yarregion.ru/> (дата обращения: 03.03.2016).

⁴ Постановление правительства Ярославской области от 08.10.2015 № 1097-п «О ликвидации государственного бюджетного учреждения социального обслуживания Ярославской области Переславского психоневрологического интерната». URL: <http://reestr.yarsoc.ru/> (дата обращения: 04.03.2016).

домашних дел, реже – семейные проблемы и смерть супруга (12,5 % мужчин и 2,4 % женщин). Перенесенные ранее тяжелые болезни (инсульт, неспособность самостоятельно передвигаться) также служат причинами обращения за услугами в Центр (12,5 % мужчин и 9,6 % женщин).

В ходе исследования было выявлено, что качеством сопровождения клиентов, нуждающихся в услугах медицинских учреждений и качеством содействия в обеспечении ухода с учетом состояния здоровья довольны все респонденты, которые пользуются данными видами услуг. Среди них соответственно: 37,5 % и 87,5 % мужчин; 40,8 % и 64,8 % женщин.

Результаты проведенного анкетирования показали, что в Центре данная работа проводится, а клиенты ее качеством удовлетворены. Например, 62,5 % мужчин и 79,2 % женщин довольны качеством помощи по обеспечению книгами, журналами и др. печатными изданиями. 93,9 % клиентов считают, что социальные услуги оказываются в полном объеме и своевременно. Работа центра в целом устраивает 79,6 % респондентов, а 16,3 % – с этим утверждением не согласны. 53 % опрошенных отметили положительные изменения в качестве обслуживания в центре, для остальных оно осталось на том же уровне. 91,8 % опрошенных пожилого возраста считают, что специалисты центра отвечают требованиям, предъявляемым к современным социальным работникам.

С вступлением в силу Федерального закона Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»¹ и утверждением тарифов на социальные услуги Правительством Ярославской области² без их широкого обсуждения и донесения информации до получателей социальных услуг привело к следующему. Прежде всего, ослабла социальная база государственных учреждений социального обслуживания, резко уменьшилось количество получателей социальных услуг, появилась невостребованность многих и, особенно, дорогостоящих услуг населением. Устные опросы тех же респондентов, проведенные автором в январе-феврале 2016 года, показали, что клиенты МУ КЦСОН Фрунзенского района г. Ярославля негативно относятся к необходимости оплаты социальных услуг независимо от их стоимости, готовы скорее отказаться от их получения, чем принять новые условия их получения.

В настоящее время увеличение числа поставщиков социальных услуг как субъектов социальной работы, возникновение конкуренции на рынке социальных услуг и обеспечение проблемы выбора поставщика их получателями может быть осуществлено за счет добровольного принятия этих функций общественными негосударственными объединениями и организациями. По словам Г.Н. Кареловой, уже в 37 субъектах Российской Федерации около 300 НКО в 2015 году включены в реестры поставщиков социальных услуг в полном соответствии с Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Наиболее активными в этом плане являются Республика Башкортостан, Пермский край, Санкт-Петербург, Московская область [цит. по: 2]. В Ярославской области в настоящее время ни одна общественная организация не входит в реестр поставщиков социальных услуг. Одной из причин этого автор считает низкую активность существующих организаций в целом: только 30 % всех организаций считаются активными, а работающих профессионально – 20 %. В соответствии с ФЗ-442 в Уставе организации обязательно должно быть прописано, что она может предоставлять социальные услуги; организация должна иметь достаточную для предоставления качественных социальных услуг материальную базу; в

¹ Федеральный закон Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

² Постановление правительства Ярославской области от 15.06.2015 № 644-п «Тарифы на социальные услуги на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг, предоставляемые поставщиками социальных услуг на территории Ярославской области». URL: <http://reestr.yarsoc.ru/> (дата обращения: 04.03.2016).

ее штате должны работать минимум 15 дипломированных специалистов по социальной работе. Среди причин низкой активности общественных организаций как поставщиков социальных услуг можно назвать и определенное недоверие к ним со стороны местного населения. Результаты социологических исследований в ряде регионов России показывают неготовность общественных организаций выполнять эти функции. Например, Министерством труда и социального развития Омской области в 2015 году был проведен опрос «Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг»¹. Объектом исследования стали социально ориентированные некоммерческие организации (далее – некоммерческие организации).

Опрос был направлен на изучение готовности некоммерческих организаций к принятию на себя части государственных функций по оказанию социальных услуг. Всего было обследовано 24 некоммерческие организации.

На вопрос: «С какими категориями граждан работает Ваша организация? Какие виды поддержки им оказываются?» ответы респондентов распределились следующим образом: инвалиды – 70,8 %; семьи с детьми – 45,8 %; пожилые люди – 41,7 %; другие – 29,2 %.

Респондентам было предложено ознакомиться с понятием «социальная услуга», определенным новой редакцией Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», и ответить, оказывает ли их общественная организация социальные услуги в соответствии с данным определением. В результате 66,7 % респондентов отметили, что в настоящее время их некоммерческие организации оказывают социальные услуги; 20,8 % опрошенных не предоставляют социальные услуги; 12,5 % представителей некоммерческих организаций затруднились ответить.

На вопрос «Хотели бы Вы участвовать в системе предоставления социальных услуг населению после завершения преобразований в этой сфере (установления законодательных правил, оформления нужных документов и т. п.)?» положительно ответили 41,7 % респондентов; ответ «скорее да» получен также от 41,7 %; «скорее нет» – 12,5 %; ответить на вопрос затруднились 4,1 % респондентов.

Респонденты указали три самых важных для них источника финансирования. В результате наиболее весомыми для некоммерческих организаций оказались средства региональных органов (субсидии, гранты и пр.) – 54,2 %, на втором месте (38,9 %) – средства муниципальных органов (субсидии, гранты и пр.).

Несмотря на то, что в качестве источника финансирования некоммерческие организации отмечают доходы от платных услуг, все же их деятельность напрямую зависит от государства. Получив разовую финансовую поддержку, некоммерческая организация может приостановить или даже прекратить свою деятельность.

Основными статьями расходов за последний год респондентами были отмечены следующие: арендная плата за помещения и другое имущество – 33,3 %; оплата коммунальных услуг – 50,0 %; приобретение оборудования для нужд самой организации – 33,3 %; приобретение расходных материалов для нужд самой организации – 54,2 %; приобретение оборудования, материалов и других товаров для поддерживаемых категорий – 25 %; оказание материальной помощи поддерживаемым категориям – 8,3 %; оплата труда сотрудников, в том числе по договорам гражданско-правового характера, и начисления на оплату труда – 45,8 %; оплата услуг сторонних организаций – 16,7 %; проведение мероприятий – 33,3 %.

В ходе опроса респондентам было предложено сообщить информацию о кадровом составе некоммерческой организации (без добровольцев – работающих безвозмездно; в среднем за год). На поставленный вопрос 41,7 % (10 некоммерческих организаций) затруднились ответить. В трех организациях в абсолютных числах число работников

¹ Отчет о проведении опроса «Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг» // Pandia.ru : интернет-издание. URL: <http://pandia.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

составило 29, 43 и 56 человек соответственно, в остальных на постоянной основе работают от 1 до 5 человек. Среднее число работников некоммерческих организаций, ответивших на вопрос, составило 12 человек.

Результаты проведенного локального опроса, по мнению автора характерные для большинства регионов России, показали, что реализации идеи разгосударствления рынка социальных услуг за счет привлечения социально-ориентированных общественных организаций препятствуют следующие обстоятельства. Прежде всего, это финансовая несостоятельность большинства некоммерческих организаций, кадровый дефицит, недоверие населения к организациям данного вида и неготовность получателей услуг оплачивать работу этих поставщиков даже по минимальным, рыночным ценам.

Последнее обстоятельство актуализирует проблему правового информирования и просвещения населения, донесения до него основных положений Федерального закона Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Эта задача, по мнению автора, должна решаться самими общественными организациями в различных формах.

Например, члены общественной организации социально-правовой поддержки населения Ярославской области «Социум» в 2015 году разработали проект «Правовая поддержка получателя социальных услуг». Он был представлен на конкурс президентских грантов Общественной палаты РФ. Финансовую поддержку проект получил от Движения «Гражданское достоинство»¹. Основной целью проекта стало правовое просвещение и информирование получателей социальных услуг о содержании Федерального закона Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», механизме его реализации и изменении условий предоставления социальных услуг населению. В рамках проекта проводятся публичные мероприятия (лекции, круглые столы), осуществляются групповые и индивидуальные консультации, а также организуются обучающие семинары по оформлению документов для получения социальных услуг их потребителями.

Таким образом, в современном российском обществе появилась новая социальная группа поставщиков социальных услуг, генезис и развитие которой было обусловлено принятием и вступлением в силу Федерального закона Российской Федерации № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Эту группу образуют такие субъекты социальной работы, как государственные учреждения социального обслуживания населения, индивидуальные предприниматели и общественные организации, предоставляющие социальные услуги населению. В сформированных и обнародованных российских реестрах поставщиков социальных услуг в основном представлены государственные учреждения социального обслуживания. Это ставит задачу активизации деятельности общественных организации как субъектов социальной работы в сфере предоставления социальных услуг населению. Ее решение будет способствовать процессу разгосударствления сферы социальных услуг.

Ссылки / Reference

- [1] Албегова И. Ф. Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 30–34.
- [2] Потенциал социально ориентированных НКО в 2016 году будет активно востребован – Г. Карелова // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

¹ Движение «Гражданское достоинство» : сайт. URL: <http://www.civildignity.ru/ru> (дата обращения: 03.03.2016).

УДК 316.654

Проблема генерирования
внутриполитических потерь
лидера представителями разных
социальных групп: в поисках
теоретических оснований

**И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова,
К. Г. Храброва**

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: igkisselev@mail.ru, agsmirnova2001@mail.ru, bolvina.kseniya@mail.ru

Научная статья

Один из аспектов проблемы функционирования общественного мнения в сфере внешней политики связан с определением участия разных социальных групп в генерировании внутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, если реализуемый им внешнеполитический курс не получит поддержки. В статье поставленная проблема рассматривается с точки зрения политического подхода к принятию решений Б. Фарнхэм, полиэвристической теории А. Минца, концепции Дж. Фиарона, а также эмпирических исследований взаимодействия общественного мнения и власти в процессе принятия политических решений. Сделан вывод, что сама природа политических решений, предполагающих непрерывное взаимодействие профессиональных политиков и общественности, создает условия для генерирования потерь представителями самых разных социальных групп. Наиболее широкие возможности для этого предоставляются в условиях функционирования демократических институтов, а также при принятии решений относительно «важных» проблем, по которым социальные группы выражают сложившееся мнение и демонстрируют готовность преобразовать его в политические требования.

Ключевые слова: принятие политических решений; приемлемое решение; общественное мнение; внутриполитические потери; внешняя политика; демократия; авторитаризм

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», проект № 15-03-00455

© Киселев И. Ю., 2016
© Смирнова А. Г., 2016
© Храброва К. Г., 2016

The issue of generating the leader's
home policy losses by the
representatives of different social
groups: in search for theoretical
foundations

**I. Ju. Kiselev, A. G. Smirnova,
K. G. Hrabrova**

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

One of the aspects of the functioning of public opinion in the sphere of foreign policy deals with the participation of different social groups in generation of home policy losses, which the political leader may encounter as a result of the absence of support for his foreign policy course. In the article the problem is considered from the point of view of political approach to decision-making by B. Farnham, the poliheuristic theory by A. Mintz, the concept of audience cost by J. Fearon, and empirical research of interaction of public opinion and the power in the domain of political decision-making. It is argued that the nature of the political decisions, presupposing the continuous interaction of professional politicians and the public, creates conditions for the generation of losses by the representatives of the different social groups. The most ample opportunities for this situation are connected with the functioning of democratic institutions, and decision-making about «important» issues, about which social groups formulate its opinions and demonstrate the readiness to transform its public opinion to the political demands.

Keywords: political decision-making; acceptable decision; public opinion; home policy losses; audience costs; foreign policy; democracy; authoritarianism

Общественное мнение выступает одним из значимых факторов, определяющих содержание политических процессов в целом и принятие решений в сфере внешней политики, в частности. При этом одно из последствий функционирования общественного мнения в политической сфере связано с генерированием разными социальными группами внутривнутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, если реализуемый им внешнеполитический курс не получит поддержки [1; 2]. Специалисты в области теории принятия политических решений разделяют мнение о том, что, отдавая предпочтение тому или иному способу урегулирования внешнеполитической проблемы, субъекты пытаются предвидеть и оценить внутривнутриполитические последствия сделанного выбора [3; 4]. При этом основу этой оценки составляют внеэкономические критерии [5]. Подходы к решению международных проблем анализируются преимущественно с точки зрения возможности дальнейшего пребывания у власти определенной элитной группы. В связи с этим внутривнутриполитические потери, с которыми может столкнуться лидер, если его внешнеполитический курс не получит поддержки, предполагают утрату им лично и/или политической силой, которую он представляет, власти вследствие снижения рейтингов, потери голосов на выборах, вынужденной отставки, акций протеста и т. п. Принимая во внимание сказанное, представляется актуальным поиск ответа на вопрос: какие участники политического процесса определяют содержание приемлемого внешнеполитического решения и, как следствие, способны генерировать внутривнутриполитические потери, которые может понести лидер?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо раскрыть значимость феномена внутривнутриполитических потерь, обусловленных отсутствием поддержки проводимого внешнеполитического курса, для принятия решений.

Внутривнутриполитическая поддержка как фактор принятия внешнеполитических решений

Необходимость анализа потерь, с которыми столкнется лидер, если проводимая им внешняя политика не получит поддержки внутри страны, обусловлена особенностями процесса принятия политических решений. Одна из них заключается в том, что выбор политического курса осуществляется не только должностными лицами и коллегиальными органами государственной власти, но и политическими партиями, группами давления, обладающими значительными ресурсами и оказывающими влияние на политический процесс [6]. Участие множества субъектов, которые характеризуются особым видением целей и средств внешней политики, а также разным уровнем власти и влияния, приводит к постановке проблемы учета специфических интересов участников в принятом решении.

В результате ключевая задача субъекта принятия решений состоит в том, чтобы предложить альтернативные варианты действий, вокруг которых можно было бы достичь консенсуса [7] и принять приемлемое для всех (или большинства) участников решение. Важность данной задачи объясняется тем, что группы, оценивающие приемлемость решения, имеют разные интересы. Но при этом каждая группа стремится к тому, чтобы именно ее интересы были реализованы как можно полнее. Поэтому даже принятое решение может активно оспариваться. Единственный способ избежать этого – выработать одобряемое решение. Данный процесс неизбежно связан с приведением к единому знаменателю конкурирующих ценностей и интересов в рамках приемлемого решения.

Таким образом, приемлемость предлагаемого решения выступает в качестве важного условия успешной политики. При этом эффективность выбранного курса определяется масштабами его поддержки. В свою очередь, отсутствие таковой обуславливает возникновение дополнительных затрат на реализацию принятого решения, поскольку если субъекты не считают его приемлемым, то могут отказаться от его исполнения.

Одна из наиболее авторитетных концепций, обосновывающих значимость внутривнутриполитических потерь, вызванных отсутствием поддержки проводимой внешней

политики в процессе принятия решений, предложена Дж. Д. Фиароном. В её основе лежит понятие – «затраты, связанные с отсутствием поддержки аудиторий» [8]. Они возникают в результате деятельности участников социально-политического пространства, которые выражают озабоченность проблемой успешности внешней политики, осуществляемой политическим руководством. Ученый рассматривает проблему затрат в контексте развития международного кризиса, в ходе которого одна из сторон отказывается подчиняться требованиям другой и обе демонстрируют готовность разрешить возникший спор при помощи силы. В сложившихся обстоятельствах отказ одной из них от подобных намерений расценивается общественностью как отступление и приводит к затратам, которые понесет субъект принятия решений, поскольку будет обвинен в реальных и символических потерях, и в связи с этим рискует проиграть выборы, быть отстраненным от власти. Как следствие, ожидаемые потери повышают достоверность угроз, которые исходят от государств в ходе международных кризисов, поскольку заставляют политических лидеров исполнять принятые и озвученные решения.

Ученый также отмечает, что потери, с которыми сталкивается лидер, могут быть связаны с отсутствием поддержки как внешних, так и внутренних аудиторий [9]. Наиболее значимые внешние аудитории – это оппоненты государства в кризисной ситуации и другие страны, которые не вовлечены в конфронтацию. Внутренние аудитории образуют представители разных ветвей власти, прежде всего оппозиционно настроенные, и обычные граждане, получающие информацию об актуальных политических событиях с помощью СМИ.

В свою очередь, Б. Фарнхэм определяет три группы факторов, от которых зависит приемлемость принятых решений [10]. Во-первых, уровень приемлемости определяют субъекты, которые принимают и осуществляют решения. Во-вторых, приемлемость зависит от адресатов решения. В-третьих, необходимо учитывать также мнение индивидов и групп, постоянная поддержка которых необходима для того, чтобы решение выглядело эффективным. Иначе говоря, в данном случае приемлемость зависит от субъектов, которые напрямую не заинтересованы в результатах принятого решения, но способны на его основе генерировать общие оценки деятельности президента, правительства или других органов государственной власти. В такой роли могут выступать представители экспертного сообщества, журналисты, общественные деятели, которые формируют общественное мнение по той или иной проблеме.

Приведенные подходы к определению факторов, устанавливающих критерии приемлемого решения, обуславливают постановку вопроса: отсутствие поддержки каких участников социально-политического пространства становится наиболее «затратным» для политика?

Субъекты генерирования внутривнутриполитических потерь

Обращаясь к поиску ответа на поставленный вопрос, необходимо прежде всего оценить значимость внешних и внутренних аудиторий. Теории принятия политических решений в целом отдают предпочтение последним. Примером может служить полиэвристический подход к принятию внешнеполитических решений. В частности, А. Минц подчеркивает, что субъекты, принимающие решения во внешнеполитической сфере, не просто учитывают внутривнутриполитические факторы, но рассматривают их раньше всех остальных [11].

В свою очередь, аудитории внутри страны также обладают разным весом и влиянием. В исследованиях, изучающих проблему внутривнутриполитических потерь лидера с точки зрения теории Дж. Фиарона, ожидаемые издержки объясняются влиянием следующих факторов: отношением оппозиционных партий к проводимой внешней политике, этапом избирательного цикла [12], уровнем поддержки деятельности лидера (его рейтингом) в стране [13], этапом экономического цикла [14]. Иначе говоря, возникновение внутривнутриполитических потерь связано с деятельностью двух категорий субъектов – политических элит и избирателей, которые проявляют свою активность в том или ином политическом и экономическом контексте. При этом в основе проведенных

исследований лежат предположения о том, что готовность субъектов принятия политических решений использовать силу за рубежом повышается в период, предшествующий выборам, в трудных экономических условиях и в ситуации низкого уровня поддержки политического курса. Все перечисленные факторы способствуют генерированию потерь, которые может понести политический лидер в случае отказа от одобряемого избирателями курса. Эту же функцию выполняют и оппозиционные партии, которые выступают в качестве «разоблачителей» действий субъектов принятия решений и используют для этого средства массовой информации с целью формирования общественного мнения по той или иной проблеме.

Однако результаты эмпирических исследований позволяют подтвердить влияние лишь некоторых факторов и, следовательно, зафиксировать значимость соответствующих факторов в генерировании внутривнутриполитических потерь. В частности, К. А. Ильдебранд на примере анализа практики использования США угрозы для решения северокорейской ядерной проблемы в 1992–2003 гг. делает вывод, что если оппозиционная партия поддерживает проводимую политику применения угроз в отношении оппонента, то существует высокая вероятность успешности ее осуществления [15]. При этом полученные результаты не позволили подтвердить значимость электорального цикла и рейтинга президента в повышении эффективности угрозы. Фактически больший «вес» принадлежит политическим элитам, нежели избирателям. П. Б. Поттер и М. А. Баум также полагают, что ключевая роль в генерировании внутривнутриполитических потерь принадлежит оппозиционным партиям и средствам массовой информации, которые формируют общественное мнение избирателей [16]. Дж. Л. Вилкс убедительно доказывает, что не только демократические, но и авторитарные лидеры вынуждены учитывать влияние внутренних аудиторий, которые представлены политическими элитами [17]. Дж. Леви ссылается на результаты исследований, которые подтверждают значимость экономической ситуации для принятия решений об использовании силы за рубежом. В то же время ученый отмечает, что влияние электорального цикла подвергается сомнению [18]. Таким образом, можно сделать вывод, что политические элиты обладают большим влиянием на принятие внешнеполитических решений, чем обычные граждане, и, следовательно, способны генерировать более ощутимые внутривнутриполитические потери для лидера.

Вместе с тем мнение избирателей также не «сбрасывается со счетов». Однако результаты эмпирических исследований, направленных на изучение влияния мнения электората на проводимую политику, довольно противоречивы.

С одной стороны, отмечается высокая зависимость деятельности политиков от мнения избирателей. Например, Р. Шапиро и Л. Р. Якобс делают вывод о том, что начиная с 1930-х годов, политика США в целом отражала желания общественности [19]. На основе анализа уровня согласованности между изменением общественного мнения и трансформацией политической стратегии в период 1935–1979 гг. Б. И. Пейдж и Р. Шапиро пришли к выводу, что однонаправленные изменения происходят в 72% случаев в сфере внутренней политики и 62% – в области внешней политики [20]. В исследовании А. Монро на основе анализа 556 случаев в 1981–1993 гг. установлено соответствие проводимой политики и общественного мнения на уровне 55% [21].

Важно подчеркнуть, что подобная зависимость оказывает влияние на характер политической деятельности, превращая ее в «перманентную кампанию» [22] и размывая границы между управлением и стремлением завоевать голоса избирателей. Иначе говоря, даже в период между выборами политики, принимая решения, вынуждены задумываться о том, как их действия будут восприняты избирателями и отразятся на результатах голосования. Фактически в основе принятия решения лежит не только стремление разрешить проблему наилучшим образом, но также повысить рейтинг и завоевать поддержку электората. Таким образом, учет общественного мнения в ходе выработки политического курса позволяет лидеру избежать потерь, которые возникнут, если принятые решения не получат поддержки населения.

С другой стороны, в рамках подхода к изучению взаимосвязи общественного мнения и проводимой политики, предполагающего исследование их совместного

изменения (т.е. ковариации), установлено, что в целом ряде случаев изменение политики предшествует изменению общественного мнения [23]. Иначе говоря, не политические решения следуют за мнением граждан, а, наоборот, мнение граждан формируется в ответ на проводимую политику. Кроме того, современные ученые все чаще сходятся во мнении, что знание общественного мнения позволяет субъектам, наделенным властью, более эффективно управлять им, нежели руководствоваться им в процессе разработки политического курса [24]. Изучив установки граждан, лидерам удастся грамотно представить результаты уже принятых решений посредством соответствующей риторики, аргументов и символов и добиться соответствия проводимой политики общественному мнению.

Подобные неоднозначные оценки участия политических элит и граждан в генерировании внутривнутриполитических потерь позволяют сделать вывод, что их влияние на принятие политических решений опосредовано другими переменными. Можно предположить, что «вес» разных социальных групп изменяется, во-первых, в зависимости от важности проблемы, относительно которой принимается решение, и, во-вторых, - от особенностей функционирования институтов власти.

Важность проблемы и генерирование внутривнутриполитических потерь

Рассматривая влияние фактора важности проблемы на генерирование внутривнутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, необходимо прежде всего определить, для какого именно участника политического пространства решаемая проблема представляется «важной».

Граждане уделяют более пристальное внимание принятым внешнеполитическим решениям, если их последствия влияют на экономическое благополучие или обеспечение безопасности. Например, переговоры по ядерной программе Ирана, конфликт в Сирии или борьба турецких курдов за независимость могут остаться незамеченными общественным мнением. В свою очередь, как только эти события оказались сопряжены в сознании граждан с потерей человеческих жизней (как в случае со сбитым турецкими военными российским самолетом и гибелью летчика) или повышением цен на товары и услуги в связи с введенными санкциями, то они способны стать основой для оценки деятельности политиков.

Влияние фактора значимости проблемы в генерировании внутривнутриполитических потерь возрастает, если рассмотреть его в контексте деятельности *групп интересов*. Д. Н. Лапин определяет группу интересов в качестве «социальной группы, которая артикулирует свои интересы в общественной среде и стремится их институционализировать» [25]. При этом ученый подчеркивает, что группа интересов появляется только в том случае, если «ее интерес артикулируется в общественной среде (собственно социальной, политической, экономической, культурной), т.е. выражается как настоятельное требование, побуждающее структурные элементы гражданского общества и/или органы государственной власти осуществлять практические действия, способствующие реализации этих требований, в конечном счете – их институционализации» [26].

Таким образом, если рассматривать общественное мнение как отражающее скрытое или явное отношение людей к определенным событиям действительности, то можно сделать вывод, что оно зачастую позволяет понять общую направленность настроений и восприятия социальной реальности общественностью. В свою очередь, мнение, выраженное группами интересов, конкретизировано, специфицировано и влечет за собой деятельность, связанную с достижением определенных целей. Группы интересов способны озвучить мнение той или иной социальной общности и преобразовать его в политические требования. При этом они берут на себя задачу донести требования до властных институтов и способствовать их осуществлению.

Можно предположить, что группы интересов будут демонстрировать высокую реактивность на содержание принятых решений и активно генерировать внутривнутриполитические потери, если их интересы не найдут отражение в реализуемом

политическом курсе. В свою очередь, субъекты принятия политических решений, понимая высокую важность тех или иных проблем для групп интересов, также в большей степени склонны учитывать сложившиеся мнения при совершении выбора.

Однако категоризация проблемы как «важной» может также служить поводом для отстранения широкой общественности от участия в принятии политических решений. Например, Г. Моргентау, рассматривая возможность участия граждан в принятии внешнеполитических решений, подчеркивает, что у политиков должно существовать ясное представление о «желательных» и «существенных» исходах реализуемого курса. Первые могут быть предметом компромиссов с общественностью, вторые – нет [27]. Таким образом, если проблема рассматривается субъектами принятия решений как «важная», то они могут преднамеренно игнорировать мнения граждан. Например, В. Федров подчеркивает, что иногда «политик сознательно принимает решение пойти на непопулярные меры во имя тех или иных целей, которые ему представляются высшими» [28].

Таким образом, фактор важности проблемы, относительно которой принимается решение, может работать в пользу повышения значимости как общественного мнения, так и позиции политической элиты. Однако потенциал влияния отмеченного фактора до конца не изучен [29].

Существенно больше эмпирических данных собрано относительно влияния институционального контекста, в котором развиваются отношения между общественным мнением и властью в процессе принятия внешнеполитических решений.

Институциональный контекст и генерирование внутривнутриполитических потерь

Потери, с которыми сталкивается политик по причине отсутствия поддержки предлагаемого им решения проблемы, создаются группами, обладающими законным правом сместить его с занимаемой должности. В связи с этим появление подобных внутривнутриполитических потерь наиболее вероятно в условиях функционирования демократических институтов. В частности, политика в демократических государствах осуществляется лидерами от имени доверителей, в качестве которых выступают избиратели. Они наделены возможностью одобрить проводимый курс или высказаться против него посредством выборов и выражения общественного мнения. В свою очередь, в авторитарных государствах должностные лица реализуют внешнеполитическую стратегию самостоятельно. А общественность либо полностью отстранена от участия в политической жизни, либо ее деятельность направлена на поддержку принятых решений.

Отмеченные особенности обуславливают постановку вопроса: можно ли вообще говорить о существовании потерь, связанных с отсутствием поддержки аудиторий, в авторитарных государствах?

Анализ результатов теоретических и эмпирических исследований позволяет сделать вывод: политики в авторитарных государствах сталкиваются с проблемой «непопулярных» решений, однако отличия обнаруживаются на уровне определения тех групп, мнение которых весомо при выработке приемлемых решений. При этом сторонники данной точки зрения исходят из предположения о том, что автократии отличаются друг от друга институциональной структурой и, следовательно, базовая модель потерь, связанных с отсутствием внутривнутриполитической поддержки, не может применяться к ним «в общем».

В частности, Б. Гиддес предлагает классифицировать авторитарные режимы на основе сочетания двух признаков: во-первых, является ли режим военным или гражданским и, во-вторых, сосредоточена ли власть в руках одного индивида или коллективного субъекта. В результате ученый предлагает дифференцировать три типа авторитарных режимов. Первый предполагает организацию политической системы вокруг функционирования одной политической партии (гражданский – коллективный). Второй связан с деятельностью военной хунты (военный – коллективный). Третий тип

представлен персоналистскими режимами [30]. В свою очередь, Дж. Л. Виск устанавливает различия также и между персоналистскими режимами, выделяя отдельно тип «босс» (гражданский – индивидуальный) и «властный человек» (военный – индивидуальный) [31]. В результате каждый из выделенных типов характеризуется специфической зависимостью от авторитетных сегментов общественного мнения.

В однопартийных политических режимах власть распределена так, что индивиды, занимающие значимые посты, сохраняют относительную независимость от лидера. Как следствие, именно высокопоставленные политики, принадлежащие к той же самой партии, члены правительственных структур образуют те аудитории, которые поддерживают или критикуют принятие решения. Военные режимы оказываются зависимыми от мнения военного истеблишмента. В свою очередь, персоналистские авторитарные режимы испытывают наименьшее влияние общественности, поскольку правительственные структуры формируются с учетом личных связей и лояльности претендентов на политические посты, что не способствует созданию условий для появления аудиторий, обладающих правом критиковать принятые решения. В результате сделанный выбор зависит преимущественно от субъективных предпочтений политика.

Таким образом, проблема отсутствия поддержки политического курса актуальна не только для демократических, но и авторитарных государств. При этом генерирование внутривнутриполитических потерь связано преимущественно с деятельностью политических и военных элит.

Выводы

Завершая рассмотрение проблемы генерирования разными социальными группами внутривнутриполитических потерь, с которыми может столкнуться лидер, если реализуемый им внешнеполитический курс не получит поддержки, можем сделать вывод, что сама природа политических решений, предполагающих «непрерывный диалог профессионалов и общественности» [32], создает условия для получения политиком негативной «обратной связи» от самых разных участников социально-политического пространства. При этом наиболее широкие возможности для этого предоставляются в условиях функционирования демократических институтов, а также при принятии решений относительно «важной» проблемы, предполагающей, что те или иные социальные группы сформулировали мнение по ней, готовы озвучить его и преобразовать в политическое требование.

В то же время другая особенность политических решений, предполагающая стремление к выработке приемлемой альтернативы, предоставляет субъекту принятия решений возможность управлять уровнем ожидаемых внутривнутриполитических потерь. Так, Б. Фарнхэм полагает, что он способен повысить приемлемость разрабатываемого политического курса, принимая компромиссные решения, откладывая решение на более поздний срок, принимая минимальные решения или манипулируя приоритетными ценностями [33]. Кроме того, политик может повысить приемлемость политического решения путем обучения тех групп, от мнения которых зависит одобрение избранного курса.

Ссылки / Reference

- [1] Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. Неудачи во внешней политике: когда лидер теряет внутривнутриполитическую поддержку? // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Том 1. №3. С. 190–198.
- [2] Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. Последствия внешнеполитического курса как фактор внутривнутриполитических потерь лидера // Власть. 2015. № 10. С. 42–49.
- [3] Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. N 3. Pp. 577–592.

- [4] Mintz A. Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making: A Poliheuristic Perspective // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making / Ed. by A. Mintz. NY: Palgrave Macmillan, 2003. Pp. 1–9.
- [5] Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 485.
- [6] Лысцов В. В. Теория процессов принятия политических решений: Дисс. ... канд. пол. наук. М., 2004. С. 18–21.
- [7] Hilsman R. To Move a Nation: the Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1967. P. 78.
- [8] Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. N 3. P. 577.
- [9] Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. N 3. P. 581.
- [10] Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 313 p.
- [11] Mintz A. Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making: A Poliheuristic Perspective // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making / Ed. by A. Mintz. NY: Palgrave Macmillan, 2003. P. 6.
- [12] Potter P. B. K., Baum M. A. Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint // The Journal of Politics, 2013, pp. 1–15. URL: http://www.hks.harvard.edu/fs/mbaum/documents/JOP_AudienceCosts.pdf
- [13] Hildebrand K. A. The Effects of Audience Costs on the Efficacy of United States Threats toward the Democratic People's Republic of Korea from 1992-2003. A paper presented at the ISA Conference in Montreal Quebec. March 2011. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/5/0/2/4/6/p502468_468_index.html?phpsessid=701bdef5c23df45c6392e0bbcf7acc60
- [14] Levy J. S. The Causes of War and the Conditions of Peace // Annual Review of Political Science, 1998. N 1. Pp. 139-165.
- [15] Hildebrand K. A. The Effects of Audience Costs on the Efficacy of United States Threats toward the Democratic People's Republic of Korea from 1992-2003. A paper presented at the ISA Conference in Montreal Quebec. March 2011. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/5/0/2/4/6/p502468_index.html?phpsessid=701bdef5c23df45c6392e0bbcf7acc60
- [16] Potter P. B. K., Baum M. A. Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint // The Journal of Politics, 2013, pp. 1–15. URL: http://www.hks.harvard.edu/fs/mbaum/documents/JOP_AudienceCosts.pdf
- [17] Weeks J. L. Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict // American Political Science Review, 2012. Vol. 106, N 2. P. 343.
- [18] Levy J. S. The Causes of War and the Conditions of Peace // Annual Review of Political Science, 1998. N 1. P. 153.
- [19] Shapiro R. Y., Jacobs L. R. Public Opinion, Foreign Policy, and Democracy: How Presidents Use Public Opinion // Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy / Ed. by J. Manza, F.L. Cook, B.I. Page. Oxford: Oxford University Press, 2002. Pp. 184–200.
- [20] Page B. I., Shapiro R. Y. Effect of Public Opinion on Policy // American Political Science Review, 1983. N 77. Pp. 175–190.

- [21] Monroe A. Public opinion and public policy 1980–1993 // *Public Opinion Quarterly*, 1998. N 62. Pp. 6–28.
- [22] Manza J., Cook F. L., Page B. I. Navigating Public Opinion: Introduction // *Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy* / Ed. by J. Manza, F. L. Cook, B. I. Page. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 4.
- [23] Wlezien C., Soroka S. N. The Relationship between Public Opinion and Policy // *Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R. Dalton, H-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 803.
- [24] Holsti O. R. American Public Opinion and Foreign Policy after September 11: The Iraq War // *Public Participation in Foreign Policy* / Ed. By J. Headley, A. Reitzig, J. Burt. Palgrave Macmillan, 2012. P. 65.
- [25] Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // *Социологические исследования*. 1997. № 3. С. 16.
- [26] Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // *Социологические исследования*. 1997. № 3. С. 16–17.
- [27] Morgenthau H. J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NY: Alfred Knopf, 1973. P. 147.
- [28] Федоров В. В. Общественное мнение и политические решения. Заметки на полях «русской весны» // *Мониторинг общественного мнения*. 2014. №5 (123). С. 8.
- [29] Wlezien C., Soroka S. N. The Relationship between Public Opinion and Policy // *Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by R. Dalton, H-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 808.
- [30] Geddes B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. 314 p.
- [31] Weeks J. L. Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict // *American Political Science Review*, 2012. Vol. 106, N 2. P. 330.
- [32] Соловьев А. И. *Политология: политическая теория, политические технологии*. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 483.
- [33] Farnham B. *Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 313 p.

УДК 316.455; 316.351

**Этническая и гражданская
самоидентификации:
взаимосвязь с системой
ценностных ориентаций**

Н. С. Гаджигасанова

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: naide27@mail.ru

Научная статья

В статье содержится описание и анализ особенностей идентификационных представлений населения, проживающего на территориях с низким уровнем интенсивности этнических контактов (в Ярославской и Вологодской областях). Изложены результаты авторского социологического исследования, посвященного выявлению взаимосвязи между системой ценностных ориентаций жителей указанных регионов и степенью значимости этнической и гражданской самоидентификаций.

Ключевые слова: идентичность; гражданская самоидентификация; ценностные ориентации; этническая группа; Ярославская область; Вологодская область; этноконтактная среда.

В настоящее время делаются попытки организации диалога между разными науками с целью выработки интеграционной модели российской идентичности и соответствующего ей социально-политического дискурса. Следует согласиться с российским специалистом в области этнической социологии Л. М. Дробижевой в том, что проблема конструирования идентификационного профиля в современных условиях – одна из наиболее подверженных влиянию политических перемен как в стране, так и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации, исходя из теории символического интеракционизма, теории ролей, социальной категоризации, выбираются те концепты, которые интерпретаторам – политикам или политологам – кажутся наиболее приемлемыми для их проектов [1, с. 10].

Размышляя об идентичности в глобализирующемся мире, британский социолог З. Бауман отмечает: «сегодня “идентичность” становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2, с. 176]. Само современное общество исследователь позиционирует как «индивидуализированное», в котором фиксируется разрушение ранее стабильных социальных связей, изолированность человека от окружающих, безразличие к другому, стремление к кратковременным межличностным отношениям, а также нерегулярность и непродолжительность социальных взаимодействий. З. Бауман детерминирует подобные явления разочарованием индивида в возможности достижения собственных целей коллективными действиями.

**Ethnic and civil self-identification:
interconnection with the system of
value orientations**

N. S. Gadzhigasanova

P.G. Demidov Yaroslavl State University.

Scientific article

Article contains the description and analysis of the features of identification representations of the population, living in the territories with the low level of intensity of ethnic contacts (in the Yaroslavl and Vologda regions). The results of the author's sociological research, devoted to the identification of interrelation between the system of value orientations of inhabitants of the specified regions and the degree of importance of ethnic and civil self-identifications, are stated.

Keywords: identity; civil self-identification; value orientations; ethnic group; Yaroslavl region; Vologda region; ethnocontact environment.

Дело в том, что идентичность характеризуется значительными мобилизационными возможностями, которые имеют как созидательные, так и разрушительные цели. В контексте современных условий на фоне процессов глобализации, роста национального самосознания народов и этнических групп, населяющих Россию, объемов миграционных процессов как внутри страны, так и из-за границы необходимо использование механизмов, которые обеспечат консолидацию общероссийского гражданского самосознания (в соответствии со «Стратегией государственной национальной политики РФ на период до 2025 года») [3], но при условии сбалансированного ее соединения с этнической и региональной идентичностью. Вместе с тем как в научном сообществе, так и в политическом публичном пространстве доминирует мнение, что сегодня необходимо акцентировать внимание на выявлении региональных особенностей российской идентичности, в первую очередь применительно к районам с доминирующим русским населением, т. е. с учётом социального и культурного развития русских [4, 5].

Гражданская и этническая самоидентификации являются составными частями более общей социальной идентичности, анализ которых в современном научном дискурсе характеризуется многообразием и дискуссионностью подходов.

Идея о констатирующей связи между динамикой структуры ценностей, выступающих основой государственной и гражданской идентичностей, с одной стороны, и воздействием образовательных институтов и СМИ, а также трансформацией исторически сложившихся представлений – с другой, присутствует в исследованиях Л. М. Дробизевой [6].

Наряду с этим социальные перемены в условиях современного российского общества приводят к постепенному утверждению в общественном сознании новой системы ценностных ориентаций. Ценности и ценностные ориентации человека всегда являлись одним из значимых объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания. В современном научном дискурсе понятие «ценностные ориентации» приобрело междисциплинарный характер.

Истоки концепции ценностных ориентаций усматривают в научной работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», впервые употребивших данный термин в качестве категории, переосмыслив понятие *attitude* (отношение) в переживание личностью значимости какого-либо явления. В качестве теоретического основания концепции ценностных ориентаций называют учение М. Вебера о ценностно-рациональном действии. М. Вебер трактовал ценность как установку той или иной исторической эпохи (т. е. в качестве общих установок своего времени), как свойственное эпохе направление интереса; а также отмечал, что человеческая жизнь сопряжена с необходимостью постоянно делать выбор, обуславливающий систему ценностей. С точки зрения М. Вебера, «...никто не может своим воздействием заставить человека признать ценность, если последний сам не признает ее за таковую». Вместе с тем, по мнению исследователя, мир ценностей – одновременно плод коллективного и индивидуального творчества, поэтому «...не следует...приукрашивать существующую социальную систему и признавать за ней более высокую ценность, чем та, которую мы сами предпочитаем. Последняя, возможно, станет созидательной для будущего, тогда как система, которую мы получили, унаследована нами из прошлого...» [Цит. по: 7, с. 517].

Стоит отметить, что несколько позже различные исследователи стали акцентировать внимание на изучении культурных ценностей представителей разных этнических групп. Так, в одном из трудов П. Сорокина отмечается, что взаимодействие между индивидами той же расы, национальности, племени, территориальной группы, семьи и т. д., и особенно между теми, кто обладает одинаковыми социокультурными ценностями, всегда отличается во многих отношениях от взаимодействия между индивидами, расходящимися по этим качествам [8].

В социологической теории функционализма ценности занимают центральное положение, поскольку рассматриваются как действенный инструмент социального сплочения разрозненных индивидов. По мнению Т. Парсонса, ценностный консенсус

является основой социального порядка, так как служит средством интеграции разрозненных индивидов, препятствует обострению конфликтов между ними. Ценностный консенсус не является сознательным в том смысле, что индивиды не имеют возможности придумывать ценности, которые передаются им в качестве опыта прошлых поколений в виде лучших и наиболее эффективных образцов самореализации. Степень распространения ценностного консенсуса в обществе является предметом современных научных дискуссий.

Ценности представляют собой точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций. Понятие ценностной ориентации К. Клакхон определил в качестве «...отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, концепцию, определяющую поведение (людей)...» [9, с. 215].

Анализируя ценностные ориентации, М. Мид отмечала: «...каждый член группы, уверенный, что его собственная позиция отличается от позиции группы, является прекрасным примером носителя коллективных ценностей, которые проявляются через его поведение и которые служат в данном случае источником информации о той или иной культуре» [цит. по: 10, с. 37].

Российский исследователь Н. И. Лапин резюмирует, что ценности представляют собой обобщенные представления людей о целях и нормах собственного поведения, которые олицетворяют исторический опыт и вместе с тем концентрированно отражают сущность культуры отдельного этноса либо всего человечества [11, с. 3].

В социологическом словаре ценность трактуется в качестве компонента социальной системы, имеющей особое значение в индивидуальном либо общественном сознании [12, с. 558]. В философском словаре предложена иная трактовка: «Ценность – сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [13, с. 788].

Таким образом, принципиальной чертой объектов, наделяемых ценностью, является связанность с существующей системой культуры и социальной структурой общества. Наряду с этим, ценности непосредственно связаны с общественными идеалами и одновременно являются регуляторами человеческих стремлений и поступков. Ценности распределяются по степени их общественной значимости и важности в определенную иерархическую структуру, подразделяясь на ценности более или менее высокого порядка, более или менее предпочитаемые. И во-вторых, отношение между этими ценностями может быть как гармоничным, взаимоподкрепляющим, так и нейтральным или даже антагонистическим, взаимоисключающим.

В современном российском научном дискурсе гражданская идентичность рассматривается как национально-гражданская идентичность, которую мы операционализировали как осознание индивидами и этносоциальными группами причастности к сообществу граждан России, основанное на когнитивной и эмоциональной привязанности. С целью выяснения степени распространенности и интенсивности общероссийской, локальной (региональной), религиозной, этнической идентичностей, рассмотрения особенностей сочетания и взаимосвязи указанных идентичностей с ценностными ориентациями жителей в районах с доминирующим по количеству русским населением автором было осуществлено эмпирическое исследование, где в качестве исследуемых были выбраны моноэтнические субъекты. В исследовании приняли участие 627 человек (жители Ярославской и Вологодской областей), среди них 47,5 % мужчин и 52,5 % женщин, средний возраст которых 32 года.

В целом по данным исследования, проведенного в указанных российских регионах, гражданская самоидентификация на первой позиции обозначена в ответах более 2/3 жителей как Ярославской, так и Вологодской областей – 59,7 % и 63,4 % соответственно. На втором месте по значимости, согласно мнению участников опроса, чаще выступает локальная самоидентификация (1/3 всех ответов). В региональном разрезе

распределение позиции «ощущаю себя жителем своего населенного пункта во вторую очередь» оказалось следующим: 33,7 % мнений в Ярославской области; в Вологодской области – 37,0 % предпочтений. В отношении национальной принадлежности каждый третий респондент чаще всего актуализирует ее важность «в третью очередь» (35,8 % – в Вологодской области; 35,6 % – в Ярославской области). Религиозный компонент в идентификационной матрице населения моноэтнических субъектов чаще находится на четвертом месте (40,5 %: 46,0 % ответов). Отождествление с конструктом «ощущаю себя гражданином мира» признает более половины опрошенных в указанных регионах на пятой позиции. Таким образом, мы зафиксировали, что в идентификационных представлениях жителей территорий с низким уровнем интенсивности этнических контактов более значима сегодня гражданская самоидентификация (не менее 2/3 респондентов из Ярославской и Вологодской областей).

Эмоциональную привязанность гражданской самоидентификации автор зафиксировал посредством анализа вопроса: «Вызывает ли чувство гордости значительное культурное наследие страны?» Гордость за свою страну представляет собой важнейший индикатор отношения к гражданской принадлежности как к ценности. В этой связи становление гражданской идентичности закрепляется не только фактом осознания гражданской принадлежности, но и в большей степени тем отношением, которое к ней проявлено, и принятием данного факта как значимого в жизни человека.

Выяснилось: более 2/3 респондентов указали на наличие собственного чувства гордости в связи со значительным культурным наследием страны (80,3 %), в то время как каждый седьмой затруднился дать однозначный ответ (13,3 %). Лишь 6,4 % участников исследования не испытывают чувства национальной гордости. Чаще других положительно относятся к культурному наследию страны и ощущают чувство гордости за нее респонденты с высшим образованием (83,5 %), жители Вологодской области (84,7 %), респонденты старше 30 лет – 86,7 %, а также те, кто не сталкивался с отрицательным отношением к себе по этническому признаку (80,9 %).

Культурные ценности группового уровня (т.е. культурные ценностные ориентации) определяют способы, какими разные общества решают базовые проблемы регулирования человеческой деятельности. Дело в том, что иерархия (система) ценностей исторически и социокультурно изменчива, но при этом это эмпирически выделяемый, существенный элемент социальной организации общества. В авторском исследовании также была использована методика измерения культурных ценностных ориентаций по Ш.Шварцу, представляющая собой специальный опросник из 57 ценностей. В соответствии с инструкцией по указанной методике каждый респондент должен проранжировать весь список ценностей по степени важности как руководящего принципа в его собственной жизни. Шкала ранжирована от 1 (отвергаемая ценность) до 7 (наиболее важная ценность). При этом шкала включает и негативные значения, так как ценности, важные в одной культуре, могут отвергаться в другой. После каждой ценности в скобках предусмотрена ее расшифровка, чтобы избежать двусмысленного толкования. Многократное использование данного опросника на территории России при опросе представителей различных этнических групп позволяет говорить о надежности – согласованности шкал опросника (блоков ценностей) и его чувствительности к межкультурным различиям.

Для первичной обработки данных с применением методики измерения культурных ценностных ориентаций по Ш. Шварцу автором высчитывались средние баллы для каждой из шкал ценностных ориентаций в соответствующих группах респондентов, а далее в соответствии со средним баллом по каждой шкале ценностей устанавливалось их ранговое соотношение, т.е. каждой шкале ценностей в соответствии с величиной среднего показателя был присвоен ранг от 1 до 7. Ранги от 5 по 7, присвоенные соответствующим шкалам ценностей, рассматриваются как показатель их высокой значимости в выделенной группе респондентов. Ранги от 1 до 2 свидетельствуют об их низкой значимости, второстепенности для исследуемых групп. Анализ величины рангов, которые занимают определенные шкалы ценностей относительно других, позволяет

сделать вывод об их относительной значимости для отдельных социальных групп внутри исследованной выборки.

Анализ характера социальных взаимодействий между отдельной личностью и группой посредством постановки и поиска ответа на вопрос «*В какой степени люди независимы или принадлежат своим группам?*» позволил выявить: для жителей Ярославской и Вологодской областей ценность «*принадлежности*» (сред. знач. – 5,12; ранг – 6-й) находится на втором месте по важности и при этом значительно выше ценности «*автономия*» (где среднее значение – 4,92; ранг – 2,5) (таблица 1). Такие данные мы можем проинтерпретировать следующим образом: в культурах, основанных на высокой значимости ценности «*принадлежности*», люди рассматриваются как принадлежащие коллективам. Смысл их жизни по большей части видится в социальных отношениях, в идентификации с группой, разделении ее образа жизни и стремлении к групповым целям. В соответствии с этим, мы можем заключить, что в представлениях жителей изученных нами Ярославской и Вологодской областях присутствует ориентация на сохранение существующего порядка и избегание действий, которые могли бы разрушить групповую солидарность.

Таблица 1

Средние показатели и ранговые значения типов ценностей на групповом уровне (N=627; Ярославская и Вологодская область, 2015 г.)

Типы ценностей	Средние показатели	Ранговые значения
Иерархия	4,38	1
Мастерство	5,04	5
Автономия	4,92	2,5
Аффективная автономия	4,91	2
Интеллектуальная автономия	4,94	3
Равноправие	5,29	7
Гармония	4,99	4
Принадлежность	5,12	6

Важные ценности в районах с доминирующим русским населением – социальный порядок, уважение традиций, безопасность, долг и мудрость. При этом стоит учитывать, что чаще других приверженность ценности «*принадлежности*» отмечается в ответах: женщин (средний балл – 5,19); специалистов как с высшим образованием, так и представителей рабочего класса (средний балл – 5,21 и 5,11 соответственно), в возрасте старше 30 лет (средний балл – 5,14), а также у респондентов, имеющих устойчивую этническую самоидентификацию (средний балл – 5,16). Также опрошенные, у которых ценность «*принадлежности*» на втором месте по значимости, с одной стороны, считают: очень важным качеством для россиянина является обладание чувством ответственности за страну либо наличие патриотизма (средний балл при каждом из ответов – 5,21), а с другой – на вопрос «*Как Вы реагируете на присутствие в вашем окружении других национальностей?*» – ответили, что относятся нейтрально (средний балл – 5,12) либо положительно (средний балл – 5,44).

Значимость ценности автономии в ответах жителей регионов довольно низкая (на предпоследнем месте, где ранг равен 2,5), что автор методики рекомендует трактовать в качестве особенного социального факта, т.е. люди могут рассматриваться как независимые и самостоятельные. В этой связи способность развивать и выражать свои собственные предпочтения, чувства, идеи посредством «*интеллектуальной*» (широты взглядов, любознательности, творчества) либо «*аффективной*» автономии (получения удовольствия, разнообразия жизни, наслаждения), а также видеть смысл в своей собственной уникальности остается крайне не популярной и не востребованной. Но при

этом в ответах отдельных социальных групп важность «интеллектуальной» автономии позиционируется на втором месте: среди тех, кто считает не важным для себя говорить на языке своей национальности (4,94); а также у опрошенных без выраженной этнической и локальной идентичности (заявивших, что не ощущают себя жителями своего населенного пункта – средний балл 4,74, а также людьми своей национальности – средний балл 4,96).

Сторонниками ценности «аффективной» автономии явились участники, представляющие такую социальную категорию, как учащиеся – средний балл 5,16; не обладающие профессиональной идентичностью (при ответе на вопрос «*В какой степени Вы ощущаете единство, близость с людьми той же профессии, рода занятий?*») выбрали вариант «*не ощущаю близости*»; средний балл 4,72), а также те респонденты, которые при ответе на вопрос «*Насколько важно, с Вашей точки зрения, 1) обладать чувством ответственности за страну, 2) любить Россию, чтобы считаться настоящим россиянином?*» высказались, что это «совершенно не важно» (в этих группах данная ценность на первом месте по значимости, средний балл 4,97 и 5,04 соответственно).

Шкала «равноправие – иерархия» позволяет фиксировать степень сформированности в обществе социально-ответственного поведения, т. е. выяснить заинтересованность людей в учёте благополучия других, в координировании своих действий. Согласно полученным нами данным, у жителей Ярославской и Вологодской областей в разрезе всех социально-демографических групп наивысшей значимостью среди ценностей обладает равноправие (7-й ранг, средний балл 5,29). Ценность «равноправие» побуждает признавать моральное равенство всех людей. По нашему мнению, выявленная приверженность может быть объяснена особенностями социализации в российской культуре, ориентированной на заботу о благе других через формирование таких ценностей, как равенство, социальная справедливость, ответственность, помощь другому и честность.

Альтернативный полюс данной шкалы – «иерархия», которая базируется на иерархической системе ролевых предписаний, обеспечивающих социально-ответственное поведение, в ответах респондентов пользуется наименьшей популярностью (данная ценность получила самую низкую ранговую позицию – единицу, средний балл 4,38). Она определяет неравное распределение власти, ролей и ресурсов как легитимное, правильное, законное. Невысокий уровень поддержки «иерархии» в российских регионах свидетельствует о том, что первичная социализация подрастающего поколения не ориентирует на принятие иерархического порядка и согласие с обязанностями и правилами, предписанными этими иерархически выстроенными ролями. В связи с этим такие ценности, как социальная власть, авторитетность, подчинение и богатство не востребованы в общественной жизни населения изученных регионов.

Шкала «гармония – мастерство» отражает отношение людей к собственному природному, а также социальному окружению. Для большей части опрошенных на третьем месте по значимости оказалась ценность «мастерство», что подразумевает, согласно интерпретации автора методики (Ш. Шварца), поощрение у носителей данной культуры активного самоутверждения с целью сделать, направить и изменить природную и социальную среду для достижения групповых либо личных целей.

По результатам авторского исследования ценность «гармонии» уступает по значимости ценности «мастерства», что свидетельствует о том, что население исследованных регионов с доминирующим русским населением менее подвержено принятию мира таким, каков он есть, пытаясь не понять и оценить, а скорее изменить его либо обозначить направления преобразований. К сожалению, данная тенденция позволяет только констатировать, что в региональном контексте остаются менее востребованными такие ценности, как мир на земле, единство с природой и защита окружающей среды по сравнению с поощряемыми в представлениях опрошенных ценностями амбиций, успеха, при наличии, безусловно, достойного уровня компетентности.

Таким образом, автор зафиксировал, что полученные результаты неоднозначны, но позволяют сделать вывод о взаимосвязи этнической и гражданская самоидентификаций в представлениях населения с их системой ценностных ориентаций.

Ссылки / Reference

- [1] Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М.: ИС РАН, 2006. С. 10–29.
- [2] Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 324 с.
- [3] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 29.02.2016).
- [4] Демидова М. В Ярославле обсудят региональный аспект российской идентичности // Ярославский регион : сайт. URL: <http://yarreg.ru/articles/20141023122504>.
- [5] Рекомендации всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 25–27 сентября 2014. 508 с.
- [6] Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. 268 с.
- [7] Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992.
- [8] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А. Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
- [9] Салахова В. Б. К проблеме исследования ценностных ориентаций в зарубежной и отечественной литературе // Наука и современность. 2010. № 2-2. С. 213-220.
- [10] Рефлективные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США / М. М. Басимов, А. Б. Хромов [и др.] // Рефлективные процессы и управление. 2005. № 1.
- [11] Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3-23.
- [12] Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.
- [13] Современный философский словарь / Под общей ред. В. Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004.

УДК 81'33

«Всё нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением

Д. Л. Карпов

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: karpovdl@yandex.ru

Научная статья

В статье рассматривается изменение значения слова «решить» в коррупционном тексте. Выявляются особенности значения слова, изменения его грамматических свойств, выявляется значение устойчивого выражения «решать вопрос». Делается вывод о важности описания лексического значения слова при анализе спорных текстов по антикоррупционным делам.

Ключевые слова: лингвокриминалистика; взятка; коррупция; значение слова; решить.

«We will normally solve everything»: words with potential corruption value

D. L. Karpov

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article considers the verb "solve" in the corruption text. Features of a word meaning, change of its grammatical properties come to light, meaning of the expression «to solve a question» is examined. The conclusion about importance of the description of a lexical word meaning is made as the result of analysis of disputable texts in anticorruption cases.

Keywords: linguocriminalistics; bribe; corruption; word meaning to solve.

В настоящее время заметно увеличивается количество обращений к филологам-экспертам по делам, связанным с противодействием коррупции. В настоящий момент это одно из актуальных направлений работы специалиста в области судебной лингвистики, это подтверждается и научными работами, появляющимися в последнее время. Фундаментальных работ по лингвистической экспертизе антикоррупционных дел ещё не создано, но уже можно назвать ряд авторов, которые посвятили этому свои работы – И. А. Стернин, Т. В. Варлакова, С. В. Доронина и др.

Можно заметить, что в исследованиях лингвистического аспекта антикоррупционных дел выделяется два направления: определение общезыкового и специального значения слова «взятка» и прагматика текста с коррупционной тематикой. К первым следует отнести работы И. А. Стернина, две из которых посвящены определению взятки и смежных понятий (откат, премия). Так как понятие «взятка» определить очень сложно, тем более в неспециальном употреблении, такие работы дают возможность ответить на вопрос о законности/незаконности действий участников диалога о передаче денежных средств [1; 2]. Т. В. Варлакова и С. В. Доронина предложили анализ коммуникативной ситуации, анализ целей и стратегий участников [3] и дискурсивный анализ текстов-диалогов с коррупционной тематикой [4].

Предложим ещё один способ выявления коррупционной тематики в тексте: С. В. Доронина совершенно справедливо подчёркивает, что «нетривиальной задачей при анализе диалогов по антикоррупционным делам является обнаружение маскировки содержания диалога» [4, с. 247]. По утверждению специалистов, маскировка происходит с помощью особых речевых средств, на что указывают Т. В. Варлакова и С. В. Доронина, в том числе с помощью эвфемистических замен, часто являющихся ситуативными, такие примеры приводят исследователи в своих работах.

Несомненно, есть определённая лексика, которая встречается в текстах с коррупционной тематикой достаточно часто. Даже в бытовой речи, когда участник диалога ищет эвфемизм, он прибегает к определённой базе такой лексики, подбирая соответствующий ситуации синоним: «занёс чемодан/мешок», «дал на лапу» и пр.

Можно предположить, что существует лексика, которая в русском языке имеет потенциально коррупционное значение, эти слова имеют более высокую частотность употребления в текстах с коррупционной тематикой, а следовательно, могут служить одним из маркеров появления её в тексте. Выявление таких слов-сигналов может помочь при следственных действиях, а также при экспертизе текста по таким делам.

Например, к таким словам-сигналам может быть отнесено слово «решить», которое часто встречается в текстах с коррупционной тематикой.

Словарь даёт следующую трактовку этого слова: «РЕШИТЬ, -шу, -шишь; решённый; -шён, -шена, -шено; св. 1. что, с инф. или с придат. дополнит. После обдумывания прийти к какому-л. выводу, к необходимости каких-л. действий. ... 2. что и с инф. В результате обсуждения вынести заключение, принять постановление. ... 3. что. Найти требующийся ответ, определить искомое. ... 4. Найти разрешение чему-л. или способ осуществления, исполнения чего-л. ... 5. что. только 3 л. Стать определяющим, наиболее существенным в чём-л. ... 6. чего. Разг.-сниж. Лишить чего-л. ...» [5].

В имеющихся в нашем распоряжении текстах слово употребляется следующим образом:

1. М: То есть даже если, например, он у тебя с первого раза не сдаст, потом в ГАИ подъедешь, за него договоришься, если че?

СМ: Ну, *решим*, придумаем что-нибудь».

2. СМ: Ну ему там, в ГАИ надо сдавать, правильно?

К: В ГАИ надо сдавать, 19-го будет сдавать. Сможешь подъехать там *порешать* вопрос?

СМ: Ну попробуем, не обещаю, сам знаешь как.

К: Не надо попробовать, надо помочь.

...

К: Ну, ты все равно подъедь 19-го, *порешай* вопрос, если реально *решишь* вопрос, человек сдаст, люди, которые заинтересованы в его сдаче, как и он, отблагодарят.

...

К: Если вдруг, если он завалит 19-го числа, документы забирай в свою школу его тогда, оформляй его в свою школу и *решай* вопрос в ближайшие дни, там неделю.

3. К: ... Ты там *порешал*, все нормально? Как думаешь?

СМ: Да, все договорился. Там уже как сейчас они сделают, уже не от меня зависит. Я все сказал, все что можно.

4. Ж: Я буду медленно ехать, аккуратно.

М: Не вопрос. Поехали, проедем. Но даже вот мы с ним *решили*... Он говорит, ты ее просто лучше, нафиг, на следующий раз, говорит, оставляй. Просто палево то, что два инспектора, вот и все (начал движение).

5. М 1: Ну чего ты предлагаешь мне, ну скажи, скажи?

М 2: Что они сорвали объект.

М 1: Мне за это башку оторвут. Ты чего? Я ж тебе почему говорю... (просит у официантки хлеба). Мы же когда с тобой еще в машине-то сидели, говорили. Понимаешь?

М 2: Они мне сказали: «Там мы *порешаем* сами».

6. М 2: Я им сказал, что там Сизонов облажался, надо быстрее решать с НРЗБ и этим.

М 1: Они пошли *решать* с такими людьми?

7. М 2: Нет. Я же говорю – там другая служба. Вот, приехал, я ему все это объяснил. Он говорит: «Я столько не брал». НРЗБ – «Вам сказали, вы *решаете*, вопрос можно *решить*. Дальше думаете. Вы знаете, к кому? – к тому, кому доверяете. Меня вы не знаете, но я вам говорю НРЗБ» – «Да как я вам могу верить?! Может вы тоже НРЗБ!» Вот так – целый начальник, большой, в большом здании в Москве. – «Ну, вы обратитесь, – кому вы доверяете». Он есть НРЗБ.

8. С: Ребят, давайте *решим*.

З: нрзб. Неси этот... у меня в этой...

Ш: На базе достанем, сейчас отстраню, нрзб. проведём.

С: Ребят давайте *решим*, я в школе работаю на Мехзаводе.

Ш: Ну и что автобусы есть.

З: Учителем?

С: Ну не погубите, нрзб.

9. С: Давайте так разойдемся, все *решаемо*, не бывает таких ситуаций. С женой ехал, всё приехал, уже вернулись, припарковались, нрзб...

10. С: А *решить* нельзя ещё?

11. С: Это первый и последний раз. Товарищ старший лейтенант, давайте я вам помогу, не помогу, а, ..., *решу* и искуплю, заплачу, как положено.

12. С: А сколько *решение* этого вопроса?

З: Чего?

С: По деньгам, сколько *решить* этот вопрос?

З: С кем?

С: С вами.

13. С: Вот есть у меня пятерка сейчас в машинке, *решим*? Вы по домам, а я спать уйду.

Ш: То есть как решим, то есть подожди, то есть как *решим*? То есть, вы хотите что сделать?

С: Ничего я не хочу. Чего хочу? *Решить* вопрос мирно, без судов, без этих, без протоколов, без всяких.

14. С: Ну вот, всё реальное *решение* – никуда не едем, «ничего не это», и всё. Я кошелёк вам дам и всё, по домам.

В приведённых примерах из трёх разных текстов-диалогов, исследовавшихся в ходе рассмотрения антикоррупционных дел, слово «решать» и его производные близки четвёртому значению, зафиксированному в словаре: «Найти разрешение чему-л. или способ осуществления, исполнения чего-л.». Слово «решить» обозначает некоторый способ решения проблемы, при этом в некоторых случаях оно употребляется со словами, принадлежащими семантическому полю «благодарность, оплата» (см. пример 2, 11, 12, 13, 14). Таким образом, слово «решить» помещается в контекст передачи «благодарности»: один из часто задаваемых эксперту в таких случаях вопрос связан с именно с передачей денежных средств. В перечисленных случаях удачное «решение» влечёт за собой оплату услуги, сочетание слова «решить» и слов со значением «благодарность/оплата» в коррупционном контексте с большой степенью вероятности указывает на противоправные действия: реализуется сюжет «незаконного действия – незаконной оплаты его».

Следует помнить, что текст, представленный на анализ эксперту, чаще является диалогом с должностным лицом, иначе коррупционная составляющая не может быть предметом судебного разбирательства, при этом госслужащий, получающий заработную

плату от государства за исполнение своих должностных обязанностей, не может претендовать на оплату от обращающегося к нему или не может быть одариваемым, это выходит за рамки официального поощрения, которое происходит публично. Подобный случай описан в статье «Премия или взятка» [1]. Уже на основании этого мы можем говорить, что помимо основного, общеязыкового значения слово «решать» получает дополнительные коннотации: «разрешить проблему за определённую плату», «разрешить проблему незаконным путём».

Заметим, что вместе с изменением значения у слова появляется новая возможность сочетаемости: ни в одном словаре литературного русского языка не зафиксировано сочетание «решить вопрос». Это сочетание является грамматически неверным, в то же время оно используется в каждом из рассматриваемых случаев, при этом сочетание явно имеет значение «неофициального» разрешения проблемы (см. примеры 2, 7, 12, 13).

Отметим, что во втором примере выражение «решить вопрос» также связано с особой интонацией категоричности: «решить вопрос несмотря ни на что» – «Не надо попробовать, надо помочь». Видимо, менее категоричным является выражение «порешать вопрос», которое не подразумевает результативности, не имеет значения окончательности действия, с помощью приставки «по-» подчёркивается значение вероятности, длительности процесса.

Изменение валентности слова, приобретение дополнительных значений и семантических оттенков указывает на то, что слово «решать» в коррупционном контексте имеет особое, уникальное значение. В подобном контексте однозначно реализуется коррупционный потенциал слова. В данном случае можно говорить о формировании особого коррупционного жаргона, в котором общеязыковые лексические единицы употребляются в переносном значении, при этом одно и то же слово употребляется в сходных контекстах, но совершенно не связанных друг с другом ситуациях.

Обратим внимание также на частотность употребления слова «решим». Ни в одном из анализируемых текстов слово не употреблено однократно. 14 примеров, представленных в статье, – лишь некоторые употребления, остальные могут считаться подобными и очень близкими или полностью совпадающими по значению. Так, в одном тексте зафиксировано 10 употреблений слова «решить» в коррупционном значении, во втором – 9, в третьем ок. 100, впрочем, это обусловлено спецификой диалога. Можно предположить, что постоянное повторение слова «решать» и слов, образованных от него, указывает на особую содержательную нагрузку этого слова в коррупционном тексте, а также на особую функциональность этого слова как средства сокрытия прямого смысла высказывания.

Из этого можно сделать вывод, что слово «решать» одно из наиболее употребляемых слов с потенциальным коррупционным значением, появление этого слова в определённом контексте может указывать на обозначение противоправных коррупционных действий.

Конечно, анализ подобных слов возможен только в определённом контексте, не всегда коррупционное значение будет реализовано в тексте, потенциал необязательно реализуется в конкретной ситуации, но наличие периферийного значения всё же делает эту лексику сигналом для следственного работника и эксперта.

Можно предположить, что в продолжение работы с подобными словами-сигналами необходимо подробно описать контексты реализации коррупционного значения каждого слова, уточнить значения, установить экстралингвистические факторы, влияющие на то или иное понимание слова. Это может значительно облегчить квалификацию определённого выражения как имеющего коррупционное значение.

В перспективе может быть создан специальный тезаурус, который облегчит квалификацию текста как коррупционного, а также систематизирует работу с такой лексикой, что обеспечит единообразие действий эксперта при работе с подобными делами, а может быть, позволит создать определённый алгоритм анализа текста по антикоррупционным делам.

Ссылки / Reference

- [1] Стернин И. А., Карпов Д. Л. Премия или взятка // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 115–117.
- [2] Стернин И. А., Шепелевич С. И. Откат и взятка: семантический и юридический подходы // Язык и национальное сознание. 2012. Вып. 18. С. 133–139.
- [3] Варлакова Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33–36.
- [4] Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245–249.
- [5] Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов [Публикуется в авторской редакции 2009 года]. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения 11.02.2016).

УДК 821.161.1-081«17»

Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века

А. А. Харлушина

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: alla-la28yanv@mail.ru

Научная статья

Обращается внимание на наличие в произведениях русской литературы эпохи Просвещения различных «световых» формул. Данное явление не просто рассматривается как таковое, но прослеживается путь его развития на протяжении всего столетия. В стихах, одах, псалтырных текстах можно увидеть ярко выраженную тематику света, которая, однако, выполняет самые разные функции.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; поэты XVIII века; идея света; световые сюжеты; мотивы; метафоры и формулы.

Dynamics of «light plot» in the Russian literature of the XVIII century

A. A. Kharlushina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Attention is drawn to the presence of various "light" formulas in the Russian literature of the Enlightenment. This phenomenon is not just seen as such, but one can trace the way of its development throughout the century. The poems, odes, psaltery texts reveal a clear theme of light, which, however, performs a variety of functions.

Keywords: age of Enlightenment; the poets of the eighteenth century; the idea of light; light scenes; motifs; metaphors and formulas.

XVIII век в России принято называть «веком Просвещения». Данное столетие осознавало себя как эпоху разума и света, возрождения свободы, рассвета наук и искусств. Идея «света», способного полностью изменить мир, нашла свое отражение во всех сферах культуры. В данной статье рассмотрим «световой сюжет» русской литературы XVIII столетия, а также проследим, как развивалось и трансформировалось данное явление на протяжении всей эпохи. Безусловно, самым репрезентативным жанром в русской литературе того времени была ода, поскольку именно в ней происходило утверждение новых государственных ценностей. Поэтому в данной статье тема преимущественно будет рассматриваться на примерах панегирических произведений.

Практически все поэты XVIII века стали проводниками просветительских идей. Неслучайно в основании большинства классицистских текстов лежит идея света, представленная во всем ее многообразии («свет», «сияние», «блеск», «ясность», «солнце», «заря», «восход» и т. п.). «Световая» топика организует внутренний смысл произведений Ф. Прокоповича, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, М. Н. Муравьева, А. Н. Радищева и др.

Данный мотив возникает не на пустом месте. Использование «световых формул» было характерно для светской литературы XVII века. Так, у С. Полоцкого в «Стихах к государыни царицы» (1660 г.), обращенных к Марии Ильиничне, присутствует развернутое сравнение монархини с солнечным светом:

Две Бог **светиле** велие на небе,
Две созда в Руси, – с государем тебе,
Царице наша, бы мир просвешчати,
Як луна з слонцем светло исправляти.

Сего аз дела на **пресветло** лице
Твое взирая, Марие, царице.
О сияй светом, аки от светила,
Молствую Бога да бысть ся не тмила.
Свет диадимы тебе украшает,
Россия тебе лепотою знает [1, с. 41].

Безусловно, литература XVII века была неразрывно связана с церковно-книжной традицией, главным образом, с текстами Псалтыри. Во всех стихах Полоцкого, посвященных русским царям, можно видеть, как автор с *благословения Божия* последовательно наделяет монарха «световыми» характеристиками:

В тебе надежду вси мы полагаем,
Яко тмы ношчной никогда познаем.
День светлый ныне за отца твоего,
Даст Бог, **день** будет за тя, сына его [1, с. 42].
.....
Тебе же дай Бог царствовать над нами,
Да велим **слонце сияет лучами** [1, с. 40–41].

Именно божественная благодать, ниспосланная в образе нового царя, заставляет поэта обратиться к метафорам света. Зарождение новой реальности требовало от поэтов создания утилитарно значимых для государства текстов, однако их связь с текстами Псалтыри не исчезает. Это касается творчества всех поэтов XVIII столетия. Об образах света в богослужебной гимнографии подробно размышляют в своих работах (см. список литературы) такие учёные, как М. Ф. Мурьянов, О. А. Сергеева и др. [2, 3].

Итак, уже в творчестве С. Полоцкого формируется световая топика, которую быстро подхватит следующая эпоха и разовьет в собственном направлении.

Одним из первых авторов начала XVIII века, в произведениях которого активно разворачивался «световой» сюжет, был Феофан Прокопович. Новое (петровское) время автор воспринял как эпоху «солнца» и «света», в свою очередь, прошлое отождествляется им с «печальной ночью». При этом важно обратить внимание на следующую деталь текста: «свет» оказывается неотделим от настоящего времени:

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Солнце всходит,
Свет возводит,
Радость родит.
Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Коликий у нас
Мрак был и ужас!
Солнце Анна возсияла,
Светлый нам день даровала [4, с. 277].

Следует отметить, что Ф. Прокопович работал в жанре церковной проповеди, которую потом, по мнению некоторых исследователей, он трансформирует в жанр похвального слова. И только после написания своих знаменитых похвальных слов и речей Прокопович приступает к созданию оды. Соответственно, и световые формулы, первоначально присущие его церковным проповедям, затем разворачивающиеся в похвальных словах, переходят в поэзию (а именно, в оду). К примеру, в «Слове похвальном в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» поэт соотносит рождение монарха с прототипами света – летом, полуднем, солнцем: «Тогда была тебе весна веселая, ныне лето плодоносное, тогда утро

было, ныне полудне, тогда новой, ныне же полной луне подобна еси, свет толикий от российского солнца издавшая, тогда в благородие царское восприята была еси, ныне же и сама благородие царское умножаеши» [5, с. 48].

Иными словами, жанр похвального слова генетически связан с жанром церковной проповеди. Из проповеди все атрибуты, свойственные Богу, механически переходят в жанр похвального слова и становятся атрибутами императора. И, как считает литературовед О. М. Буранок, «уподобление Петра солнцу – не только дань барочной традиции, но и стремление художника к естественнонаучной, рационалистической основе в своих доказательствах, логика которых выстраивается по принципам уже предклассицистической поэтики» [6, с. 168]. И так, в жанре оды «световые формулы» предстают в своем поэтически завершенном виде. Таким образом, можно даже говорить о динамике «световых формул» в творчестве Феофана Прокоповича.

«Световые» метафоры оказываются важной составляющей поэзии В. К. Тредиаковского. Поэт славит Россию, восхищается ее богатством и величием:

Россия мати! **Свет** мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты **солнце ясно!** [7, с. 20]

.....
Ты собой скипетр твой украсила,
И лицом **светлым** венец почтила [7, с. 20].

.....
Коль в тебе **звезды** все здравьем **блещут!** [7, с. 21]

По Тредиаковскому, Россия и есть свет. За этим уподоблением скрывается идея Святой Руси, то есть Руси, обладающей божественной благодатью.

Многочисленные вариации «светового» сюжета характерны для оды А. П. Сумарокова. «Антитеза «свет-тьма» – самый модный образ эпохи: человек побеждает тьму старины, символизирующей неверие, обскурантизм, невежество, ради света знаний, нового, того, что <...> несет счастье и славу России» [6, с. 159]. В сумароковской «Оде императрице Елисавете Петровне 25 ноября 1743 года» видим, как поэт использует данное противопоставление, сравнивая время до-царствования Елизаветы с ее приходом к власти:

Тобой восшел наш **луч полдневный**
На **мрачный** прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт [8, с. 49].

.....
Тобою правда днесь **сияет**,
И милосердие цветет,
Щедрота скипетром владает
И всех сердца к себе влечет [8, с. 51].

Великие преобразования, начатые Петром I, а затем подхваченные его дочерью Елизаветой, стали для Сумарокова символами света, прогресса, символами новой России. Соответственно, символами невежества, мрака, тьмы Сумароков считает время хаоса, когда трон пустует и некому править Россией.

Культивируемое тождество России и света, монарха и света способствовало изменению сознания. Все это наполняло читателей светлым чувством веры в могущество своей страны.

Описываемый нами мотив присутствует также в одах В. В. Капниста и В. И. Майкова. В оде В. В. Капниста «На истребление в России звания раба Екатериною второю, в 15 день

февраля 1786 года» мир светится, блестит и сияет благодаря царице, несущей России славу, а российскому народу – свободу:

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пыла;
Встречая времена **златые**,
Главу цветами увенчай;
В порфиру **светлу** облекися [9, с. 392].

.....
Теперь, о радость несказанна!
О день, **светляе** дня побед!
Царица, небом ниспослана,
Неволи тяжки узы рвет [9, с. 393].

.....
А ты, которая свободу,
Как животворный **свет**, даришь!
Знай, что российскому народу
Ты вечну славу цепь принять велишь [9, с. 394].

.....
В потомстве благодарны россы,
Наследники времен **златых**,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих [9, с. 394].

Не менее ярким мотив света предстает и в одах В. И. Майкова. Царица Екатерина представлена поэтом в красивом солнечном облике. Деяния монархини соотносятся с солнечным лучом, «лиющим» миру свет:

Она суд с милостью спрягает,
Повинных кротко исправляет,
Заслугам мзду она дает;
Рукой науки покрывает,
Другую милость проливает,
Как **солнце луч** в пространный свет [10, с. 185].

.....
Москва красуется тобою,
Как небо **солнца** красотою,
Избавившись от грозных туч.
И таковой же ждут отрады
Твоей державы многи грады,
Да к ним **блеснет** твой **ясный луч** [10, с. 189].

Итак, видим, что использование «световых формул» на протяжении длительного времени предстает в идеологическом контексте: сам жанр оды предусматривает прославление подвигов и побед. Главные податели света, тепла и блеска (солнце, лучи) ассоциируются у поэтов в первую очередь с царским величием.

Вплоть до 1770–1780-х гг. наблюдается единство одической «топики». Несмотря на то, что в середине столетия формируются два направления в развитии оды – «ломоносовское» и «сумароковское», можно говорить и об относительном их единстве. Активное использование «световых формул» объединяло «сумароковскую» и «ломоносовскую» школы.

Вместе с тем уже в 1770–1780-е гг. «световые формулы» утрачивают свою «идеологичность».

Об этом свидетельствует поэтический мир Г. Р. Державина, в творчестве которого световые формулы изменяют свое значение. В его ранней оде «Фелица» встречается свет,

соотносимый с восхваляемой поэтом политикой Екатерины II. Поэт, которому императрица казалась идеалом «просвещенной монархини», пишет:

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! **Свет** из тьмы творить [7, с. 76].

Приведенный пример можно соотнести с космогоническим мифом о рождении мира из первозданной тьмы. Екатерина II выступает у Державина в качестве Творца, который своими всемогущими силами способен прогнать первородный хаос и подарить миру новую, светлую жизнь.

В «Фелице» мотив света представлен развернуто:

Который оком **лучезарным**
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой **свет** дарит;
Равно всех смертных **просвещает** [7, с. 79].

.....
Но где твой трон **сияет** в мире? [7, с. 80].

Как известно, «Фелица» отличается новизной и смелостью мысли и формы. Здесь поэт соединяет похвалу с сатирой, начав тем самым «разрушение» жанра торжественной оды. Однако изменения происходят лишь в жанрообразующих элементах, а рассматриваемый нами мотив света не претерпевает каких-либо существенных изменений вплоть до 1780-х гг. Именно в это время Державин почти освобождается от условностей идеологического жанра и сосредотачивается на поисках относительно свободных от жанровых условностей форм. Предметом изображения в его творчестве становится не идеологическая реальность, а мир как таковой (насколько это вообще было возможно в пределах литературы классицизма). Мир в державинской поэзии преисполнен света, он сияет, блестит, озаряется солнцем. Вселенная обретает свет, который становится теперь ее первичным состоянием. Отныне свет напрямую не связан с темой императорского величия, как это было в творчестве предшествующих поэтов. В державинской поэзии, таким образом, наблюдается выход за пределы одической идеологии. Свет (=сияние) становится у поэта свойством мира вообще, а не атрибутом конкретного монарха. На наш взгляд, именно в творчестве Державина происходит переосмысление мотива света. О семантике света в произведениях Г. Р. Державина также размышляет С.С. Аверинцев в книге «Поэты» [11].

В последней трети XVIII века в поэзии происходит ряд существенных изменений. Зарождается новое направление – сентиментализм, характеризующийся особым вниманием к душевному миру человека. В стихотворениях поэтов-сентименталистов (М. Н. Муравьев, И. Н. Дмитриев, Н. А. Львов, Н. М. Карамзин и др.) мы также обнаруживаем «световые формулы», однако они становятся теперь менее проявленными. Так, в творчестве М. Н. Муравьева первичной оказывается метафора ночи:

Как мрачны небеса явят присутствие ночи
И томные глаза сомкну уже на сон...[12, с. 381]

Отсюда солнышко недавно закатилось...[12, с. 383]

Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою [12, с. 389].

Вообще следует отметить, что в поэзии М. Н. Муравьева свет впервые предстает как категория переменная, в то время как тьма властно заявляет свои права. Неслучайно поэт сосредоточен на живописании ночных состояний мира («Ночь»). День утрачивает свои

права, а солнечный свет становится выражением «минувшего», того, чем когда-то обладал поэт.

Дальнейшее развитие тема света нашла в стихах Кострова и Клушина. И, как считает А. В. Петров, «создавая, в сущности, солнечный «утренний» пейзаж, указанные авторы пролагали пути пейзажной лирике» [13, с. 38]. Действительно, в «Стихах на Новый 1781 год» Е. И. Костров описывает состояние природы в предвкушении нового облика:

Природа! воспряни, почувствуй силы новы,
Коль можно, хладныя потщись прервать оковы
И холмы снежные низринь с высоких плеч;
Спешь себя в цветы и в мягкий злак облечь.
Се быстрый исполин через эфирны волны
Стремит с высот **лучи, сиянья** нова полны,
И **златом и серебром**, о, вышних дар щедрот! [14]

Со временем функция «световых формул» переходит в иное качество. Свою идеологическую функцию тема света окончательно исчерпывает. Поэты все чаще используют метафоры света, чтобы передать человеческие чувства, сравнивая их с природными явлениями.

Свет отныне становится признаком природного мира, а не царского величия. Сентименталисты, метафорически «освещая» мир земной, вдохновлялись повседневными впечатлениями и изображали пейзаж.

Итак, в конце столетия, как видим, световые формулы изменяют свое первоначальное значение.

Чрезвычайно важно, что «световой сюжет» охватывает всю русскую литературу XVIII столетия, включая произведения, написанные на исходе этого времени. Даже у А.Н. Радищева в стихотворении «Осьмнадцатое столетие» весь XVIII век ассоциируется с дневным светилом:

Мрачные тени создади, впереди их **солнце**;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен [13, с. 632].
.....
О незабвенно столетие! Радостным смертным даруешь
Истину, вольность и **свет, ясно созвездье** вовек [13, с. 632].
.....
Ты исчисляешь **светила**, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой **света**; ты новые **солнца** воззвало [13, с. 633].

Вместе с тем свет у Радищева – это только одна сторона века Просвещения. Автор говорит о противоречивости данной эпохи, которая равным образом включает в себя и «свет», и «тьму». Здесь встречаются и описания войн, насилия («крови») как отличительных признаков столетия, и размышления о созидательном человеческом разуме, вера в светлое будущее. Отправной точкой концепции Радищева служит строка оды – «Столетье безумно и мудро». «После кульминационных строк (48–49) – гимна великому столетию, его «мудрости» – познающая историческая мысль автора в недоумении останавливается перед «неразумием» своего века, бессилием человеческого разума перед «духами ада» [13, с. 220]. Однако в контексте наших рассуждений важно то, что «переживший смертный приговор и ссылку Радищев продолжает верить в позитивную созидательность человеческой мысли, принесшей «радостным смертным», его современникам, «истину, вольность и свет» [13, с. 222]. Тем не менее у Радищева мы не обнаруживаем полного разрушения тьмы светом. Тьма и свет в «Осьмнадцатом столетии» – две равноправные стихии. Тьма равносильна свету, поэтому мы не можем

говорить, что у Радищева тьма отождествляется с прошлым, а свет – с настоящим и будущим. Думается, что к концу XVIII столетия произошло разрушение светового мифа.

Итак, как мы увидели, метафора света, характерная для литературы XVIII века, восходит к идее внутреннего просветления. Свет – «символ бессмертия, вечности, рая, чистоты, откровения, мудрости, интеллекта, величия, радости и самой жизни» [15, с. 323–324]. Все эти понятия близки по духу эпохе Просвещения. Русская литература не могла не отразить высоких веяний века. Мотив света, столь образно и ярко подчеркивающий основной смысл времени (просВЕЩение), был атрибутом поэтики просветителей. Таким образом, метафора света становится основной составляющей русской литературы XVIII века.

Ссылки / Reference

- [1] Полоцкий С. *Вирши* / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. М., 1990.
- [2] Мурьянов М. Ф. *Гимнография Киевской Руси*. М.: Наука, 2003. 451 с.
- [3] Сергеева О. А. «Свете Тихий»: Церковный гимн в русской поэзии: История. Богословие. Метафизика. Лингвистика. Поэтика : монография / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2002. 140 с.
- [4] *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л.: Советский писатель, 1970. 422 с.
- [5] Прокопович Ф. *Сочинения* / Под ред. И. П. Еремина. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- [6] Буранок О. М. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович*. М.: Флинта, Наука, 2003. 336 с.
- [7] Муравьев В. «Благослови, поэт!..»: Антология поэзии пушкинской поры: Книга I. М.: Советская Россия, 1983. 272 с.
- [8] Сумароков А. П. *Стихотворения* / Вступ. ст., подгот. текста и прим. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1953. 342 с.
- [9] *Русская поэзия XVIII века* / Под ред. С. Чулкова. М.: Художественная литература, 1972. 734 с.
- [10] Майков В. И. *Избранные произведения* / Вступ. ст., подгот. текстов и прим. А. В. Западова. М.–Л.: Советский писатель, 1966.
- [11] Аверинцев С. С. *Поэты*. М.: Языки русской культуры, 1996. 364 с.
- [12] *Русская литература. Век XVIII. Лирика*. М.: Худож. лит., 1990.
- [13] Петров А. В. *Оды «На Новый год», или Открытие времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века : монография*. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2005.
- [14] Костров Е. И. *Стихотворения: Стихи на Новый 1781 год*.
URL: http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/text_1796_poe_oldorfo.shtml
(дата обращения: 01.02.2016).
- [15] *Словарь символов* / Д. Тресиддер; пер. с англ. С.Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС: Издат. – Торг. дом «Гранд», 2001. 448 с.

УДК 81.373.47+81.367.628+81.44

**Лексикографирование
эмотивного значения (на
примере междометий)**

Ю. А. Цофина

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

E-mail: yutch@bk.ru

Научная статья

В статье рассматривается проблема выделения эмотивного значения у междометий и современные подходы к его описанию в словарях. Предлагается вариант решения данной проблемы с позиций лингвистической теории эмоций на основе описания коммуникативного акта в единстве симптоматической ситуации, интонационного и жестового сопровождения.

Ключевые слова: эмотивное значение; словарное описание междометий; лингвистическая теория эмоций; эмотивный и стилистический макрокомпоненты; семные конкретизаторы; симптоматическая ситуация.

За последние десятилетия интерес к выражению эмоций в языке существенно возрос. В фокусе исследований находится широкий круг вопросов, связанных с эмоциональной языковой картиной мира, этнокультурной, гендерной спецификой выражения эмоций, лексикографированием эмоций и т. д. В настоящей статье мы хотим затронуть проблему лексикографической репрезентации эмоций – на примере междометий, наиболее яркого «представителя эмоций» в языке.

Основные теоретические проблемы исследования междометий поставлены в работах А. А. Реформатского, В. В. Виноградова, А. М. Искоз, А. Ф. Ленковой, Н. В. Касаткина, Ф. Травничека, Е. М. Галкиной-Федорук, А. Вежбицкой, Е. Г. Борисовой, И. А. Шаронова и ряда других ученых.

Некоторые авторы (А. А. Реформатский, Е. М. Галкина-Федорук) относят междометия к категории слов, которые имеют значение, не выражая при этом логического понятия [1]. Противоположная точка зрения (Ф. Травничек, А. М. Искоз, А. Ф. Ленкова) состоит в том, что междометия общепонятны, следовательно, они выражают понятия [1]. Одновременно с этим они выражают и эмоции, т. е. междометия – это эмоциональные слова, выражающие понятия, содержанием которых являются чувства. Н. В. Касаткин, которого можно причислить к третьей группе исследователей, считает, что эмоциональность не исчерпывает семантического содержания междометий: конкретная обстановка их возникновения является основой семантического содержания этих языковых единиц, причем ситуация охватывает не только среду, в которой протекает речь, но и отношения между говорящими [2]. Но коль скоро речь заходит о значении слова, в его структуре, а именно в ядре, должна быть инвариантная составляющая, которая не зависит от контекста. Вопрос о том, что является инвариантом

**Lexicographic description of
emotive meaning (as exemplified
in interjections)**

Y. A. Tsofina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

This paper focuses on the problem of defining the emotive meaning in the semantic structure of interjections as well as the modern approaches to its lexicographic description. The author proposes a solution to the problem from the perspective of the linguistic theory of emotions based on the description of the communication act in the unity of the symptomatic situation, intonation and gesture support.

Keywords: emotive meaning; lexicographic description of interjections; linguistic theory of emotions; emotive and stylistic macro-components; component specifiers; symptomatic situation.

значения междометий, также трактуется исследователями по-разному. Некоторые зарубежные авторы выделяют в качестве семантического инварианта дейктические элементы: «я нечто чувствую», «я чего-то хочу», «я нечто думаю» или «я нечто знаю» [3]; «я, ты, сейчас, здесь» – элементы, которые приобретают референтное значение в высказывании [4].

Остановимся более подробно на работах двух российских лингвистов, отдельные положения которых мы используем в качестве отправной точки в собственном исследовании. Е. Г. Борисова полагает, что через логический вывод частных значений из общего значения интеръективной единицы (метаязыковых или метаречевых компонентов, уточняющих коммуникацию) можно передать эмотивный компонент значения междометия [5]. Термин «функция» употребляется автором в связи с частным значением, используемым для реализации этой функции, и выступает как замена имени эмоции. Предлагается следующая схема словарного описания интеръективной единицы: междометие, общее значение языковой единицы (напр., общий компонент в значении междометия *ох* – «ощущение тяжести – и в физическом, и в моральном смысле»), функция и частное значение для ее выполнения. Указываются идиоматизированные значения и устойчивые словосочетания.

И. А. Шаронов рассматривает междометия как транслитерации звучания вокальных жестов, считая их знаками-иконами, с разной степенью адекватности передающими на письме рефлекторные, неязыковые звучания человека [6]. Согласно И. А. Шаронову, такой вокальный жест – устная реализация междометия – составляет наряду с мимикой и жестовым сопровождением симптоматический знак ментально-эмоционального состояния человека, который проявляется в виде реакции на тот или иной стимул в симптоматической ситуации. На базе описания симптоматической ситуации, сопутствующих вокальных жестов и передающих их междометий можно, как полагает И. А. Шаронов, адекватно описывать междометия с лингвистической и лексикографической точек зрения, а также сопоставлять данные языковые единицы в разных языках.

В двух рассмотренных концепциях можно выделить следующие совпадающие моменты: наличие инвариантной составляющей значения междометия (ядро значения), целостность симптоматического знака, связанного с симптоматической ситуацией, его обусловившей, в единстве мимического и жестового сопровождения.

Весьма распространено утверждение, что лексикографическая репрезентация междометий не удовлетворительна. Особенно часто исследователи ссылаются на А. Вежбицкую, по мнению которой, словарные описания междометий «не относятся к тому типу толкований, который мог бы быть кому-то полезен для того, чтобы научиться, как их употреблять» [3, с. 612].

Однако никто не учится языку по словарным статьям. Учатся языку в практике говорения. В целом словарь междометий должен дать пользователю представление о том, как в данной культуре принято реагировать на те или иные ситуации, как выражаются те или иные чувства. Не забудем про сопутствующие появлению междометия мимику, жесты, которые также выступают в качестве культуроспецифичных параметров (ср.: «Жест, конечно, национален ... Если люди не знают иностранного языка, они особенно следят за неязыковыми знаками, пытаясь их «прочитать». Но так как они не знают национальной специфики этих знаков, то «читают» их неверно» [7]). Таким образом, речь стоит вести не просто о словаре, но о лингвострановедческом справочнике, сфокусированном на эмоционально-оценочной сфере конкретного социума.

Мы предлагаем подход к описанию значений междометий, основанный на положениях лингвистики эмоций, концепции, в рамках которой работает волгоградская лингвистическая школа под руководством В. И. Шаховского. Отправными составляющими нашего подхода являются: факт признания междометия словом, включения его в языковую систему, подчеркивание его природы как социального инструмента в противовес природе биологического выкрика.

В своей монографии «Лингвистическая теория эмоций» [8] В. И. Шаховский замечает, что, как и всякое слово, междометие обобщает, какой бы субъективно-

личностный смысл говорящий в него ни вкладывал. Что же обобщает междометие? Оно является обобщенным отражением социальной эмоции. В стандартных эмоциональных ситуациях люди испытывают и отражают одинаковые эмоции, поскольку индивидуальный опыт подчиняется здесь социальному, обобщенному опыту. В.И. Шаховский полагает, что междометие, будучи аффективом, т. е. словом, единственное содержание которого составляет эмотивная семантика, имеет эмотивное значение.

Эмотивные значения осознаны, адекватно идентифицируются и дифференцируются говорящими, одинаково соотносятся ими с одними и теми же типами эмоций, идентифицируются с определенными языковыми единицами их выражения и с типизированными эмоциональными ситуациями их употребления в речи. Все это подтверждает наличие эмотивного значения. Нельзя отрицать факт зависимости эмотивного значения от понятийного содержания слова – это значило бы «переводить всю эмотивную семантику языка в область стихийности психики» [8, с. 65]. Будучи закреплен за определенной ситуацией, эмотив получает социальную понятийную интерпретацию, т. е. его эмотивное значение может быть понятийно обусловлено.

Теперь перейдем к структуре эмотивного значения междометий. Согласно В.И. Шаховскому, оно состоит из двух макрокомпонентов – эмотивного и стилистического. Первичен эмотивный макрокомпонент. Он соотносится с определенной эмоцией, которая выражается в речи, и выступает в роли специфического денотата. Его структура состоит из эмотивных сем, включающих в себя, по мнению В. И. Шаховского, два и более семантических примитива: семантический признак «эмотивность» и семные конкретизаторы: «любовь», «презрение», «восхищение» и т. д. «При этом конкретная эмотивная сема представляет собой комбинацию семантического (инвариантного) признака «эмотивность» [...] с одним из огромного числа семных конкретизаторов, соотносящихся с определенной эмоцией или ее оттенком» [8, с. 83].

Вопрос о денотате междометия сложно решить в однозначных терминах. Представляется, что семный конкретизатор (или имя эмоции) должен быть дополнен стандартной эмоциональной ситуацией (ср. И. А. Шаронов, который предлагает дополнять симптоматическую ситуацию именем эмоции в качестве вектора [9]). Именно это, на наш взгляд, и будет отражать денотат аффектива. Второй, стилистический компонент, отвечает за выбор слова в соответствии с конкретной ситуацией речевого общения.

Кроме того, хотелось бы добавить несколько слов о выборе междометия. Представляется, что он может быть более или менее осознанным. Чем быстрее и сильнее реакция говорящего на ситуацию, тем менее осознанно (вследствие дефицита времени на обдумывание ситуации из-за приоритета сохранения жизни, к примеру) он употребляет то или иное междометие. Выбор за него делает уже подсознание, сближая такую реакцию с биологическим выкриком. Именно здесь, по-видимому, находятся пограничные явления «выкрик/междометие», отличающиеся не вполне отчетливой, но все же артикуляцией. Представьте себе для сравнения более чем осознанное употребление междометий «ах» и «о» в контексте светского приема, когда о стилистическом выборе можно говорить с уверенностью.

В. И. Шаховский не включает в модель эмотивной семантики междометия такие компоненты как оценочный и экспрессивный. Мы полагаем, что они являются частью эмотивной семантики междометия, соотносящейся с конкретной эмоцией, поскольку они выражают ее неотъемлемые характеристики: полярность и интенсивность. Общепринято деление эмоциональных переживаний по знаку – хорошо/плохо и по интенсивности – слабые, умеренные, сильные [10, с. 50].

Подводя итог вышесказанному, мы предлагаем следующую модель/схему словарного описания значения междометия: ядро, состоящее из инвариантного семантического признака «эмотивность» (его, безусловно, всякий раз указывать не нужно, достаточно пояснить эту позицию в предисловии к словарю) и семных конкретизаторов (имя конкретной эмоции) + соответствующая эмоциональная ситуация (необходимы анализ, обобщение и классификация таких ситуаций; репрезентация

значений должна идти по принципу снижения частотности употребления, возможно, в сопровождении количественных помет).

Репрезентация периферийной части семантики междометия (реализуется только на конкретных примерах, в виде словарных помет): оценочный компонент (шкала + 0 –), экспрессивный компонент (т. е. интенсификаторы оценки: в письменной речи ими выступают лексические средства, в устной – чаще всего, фонационные характеристики; здесь, по-видимому, будет необходимо указание количественного компонента в части измерения силы звука). Стилистический компонент указывается в том случае, если основной речевой узус междометия – разговорная речь – дополняется прагматическим элементом. Мы полагаем, что для класса эмоциональных междометий этот элемент будет выражаться в специфических характеристиках употребления общеязыковых междометий, обусловленных ситуацией, гендерной, социолектологической, возрастной, отраслевой/профессиональной и пр. характеристиками (светский раут, беседа высокопоставленных персон, употребление междометий, свойственное женщинам (напр., «ой» в зачине фразы), детская речь и т. д.), что так или иначе характеризует говорящего.

С помощью предложенной модели, на наш взгляд, можно достичь поставленной цели – адекватного и доступного лексикографического представления семантического компонента междометных единиц. Приведем пример описания междометий по разработанной модели. Данная модель является эвристической и подлежит дальнейшей разработке.

РАДОСТЬ / Усиление высказывания

АХ – межд., эмоц., первообр.

• У нас старенький доцент уходил пару лет назад на заслуженный отдых и напоследок всех одаривал – кому вазу [...], кому – книги из личной библиотеки... [...] А мне – свою лекцию по дисбактериозу и датчики собственного изобретения для проведения реоректографии. Как же ж я была счастлива! Прибежав домой, все уши мужу прожужжала – «**ах**, какая это лекция, ну ты себе представить не можешь, какой же ж это полет для творчества», а датчики так на его глазах чуть не расцеловала. Он на меня посмотрел как-то странно [...] и сказал что-то типа – ну вот все женщины как женщины, им цветы дарят, а тебе ... какашки. И что совсем огорчительно, ты этому так радуешься!

Шкала оценки: положительная.

Метатекстовые параметры:

Источник: Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)/Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Автор текста – женщина.

Возраст: нет.

Профессия/социальный статус: нет.

Время создания текста – 2005 г.

Время действия в тексте – 2005 г.

Говорящий – автор текста.

БОЖЕ – межд., эмоц., непервообр.

• Целый день он пытался закончить четверостишие. «По звездным перекатам теку к тебе рекой... – Георг ошеломленно замер. – Да, да, да! **Боже**, как это здорово!» Всю ночь он бродил [...], все еще не веря тому, что создал такое красивое четверостишие, в полумраке коридоров он шептал его вновь и вновь, удивляясь, как это у него так вышло. Утром он снова прошептал строки своего четверостишия. От вчерашней буйной радости ничего не осталось, его охватило только умиротворение от того, что он смог создать эти строки.»

Шкала оценки: положительная.

Метатекстовые параметры:

Источник: Анатолий Радов. Георг // «Наука и жизнь», 2009 /Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Автор текста – мужчина.

Возраст: 31 год.

Профессия/социальный статус: писатель-фантаст.

Время создания текста – 2009 г.
Время действия в тексте: нет.
Говорящий: мужчина.
Возраст: нет.
Профессия/социальный статус: нет.

Ой – *межд., эмоц., первообр.*

- – Мужчина в школе – это большая редкость и драгоценность! Если бы вы знали, дорогие Мужчины-учителя, как мы вас ценим! [...]
– **Ой, как приятно!!!** Что бы мы, мужчины, без Вас делали?! [...]

Шкала оценки: положительная.

Метатекстовые параметры:

Источник: коллективный. Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)/Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Автор текста: мужчина.

Возраст: нет.

Профессия/социальный статус: школьный учитель.

Время создания текста: 2011 г.

Время действия в тексте: 2011 г.

Примечания:

1. РАДОСТЬ – семный конкретизатор.
2. Усиление высказывания – ситуативный контекст.
3. В текстах примеров выделены: подчеркиванием – лексические средства, выявляющие модальность эмоции; курсивом – лексические и пунктуационные средства – интенсификаторы, выявляющие экспрессивность высказывания.

Ссылки / Reference

- [1] Искоз А. М., Ленкова А. Ф. Выражают ли междометия понятия? // Вопросы лексикологии и стилистики германских языков. Серия Филологические науки. № 48. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1958. С. 63–72.
- [2] Касаткин Н. В. Смысл междометий // Ученые записки Томского ГПИ. Том 11. Томск, 1954. С. 137–150.
- [3] Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 774 с.
- [4] Swiatkovska M. Interjection: entre deixis et anaphore. Langages. 2006. № 161.
- [5] Борисова Е. Г. О метаязыке для описания эмотивного компонента значения // Эмоции в языке и речи: сборник статей. М.: Издат. центр РГГУ, 2005. С. 119–127.
- [6] Шаронов И. А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы конференции «Диалог 2006». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Sharonov.htm>.
- [7] Акишина А. А., Кано Широко, Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. Изд. 2-е, доп. М.: КРАСАНД, 2010. 152 с.
- [8] Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- [9] Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. Москва, 2008 г. 296 с.
- [10] Ганина В. В., Карташкова Ф. И. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 208 с.